Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 8419.

За годъ . . 10 рубл. сер.
За полгода 6 » »
За 3 мѣсяца 4 » »
За мѣсяцъ 2 » »

За чтеніе книгъ съ журналами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не болѣе двухъ недѣль.

Rar. 4243

79 | 44399

рисовалъ Ѳ. Перелывкинъ.

Добродѣтели твои дѣлаютъ тебя
ЦАРЕМЪ РИМСКИМЪ

НУМА ПОМПИЛІЙ.

Puissent tous les hommes se souvenir qu'ils sont frères!

V....

Да памятуютъ всѣ человѣки, что они суть братья.

Сог. Харакова

НУМА,

ИЛИ

ПРОЦВѢТАЮЩІЙ РИМЪ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1768. года.

[Cheraškov Michail Matveevič]

BSB
MÜNCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ.

* * *

Сія повѣсть не есть точная Историческая истинна; она украшена многими пымыслами, которые не уменьшая важности Нуминыхъ дѣлъ, цвѣты на нихъ разсыпаютъ; Нума здѣсь представляется какопъ онъ былъ и какопъ быти могъ; сія полность гораздо простительнѣе той, какую многіе писатели позпріяли, по-

читая Нуму ученикомъ Пиѳагоропымъ, хотя Пиѳагоръ жилъ больше ста пятидесяти лѣтъ послѣ Нумы, по премя Таркпинія Гордаго или еще позже; и для того сладкорѣчипый Цицеронъ, удивляясь Нумѣ, почиталъ его пеликимъ за то, что онъ произпелъ въ дѣйстпо науку царстпопать, когда еще Греки никакого понятія, о томъ не имѣли (*).

О Нуминыхъ книгахъ, которыя найдены послѣ него, больше пяти сотъ лѣтъ, всѣмъ изпѣстно, что они были поручены на разсмотреніе Петиліусу Римскому Претору, и потомъ созжены. Но такая неблагодарность непростительна

(*) Смотри Шофеновы дѣла въ Нуминой жизни.

тельна Римскому народу, кото-
рый бы долженъ имѣть больше по-
чтенія къ дѣламъ перпаго и чело-
пѣколюбипаго споего эаконодате-
ля. Однако по нещастію псѣхъ
пѣкопъ, непѣжестпо неоднократно
надъ благоразумiемъ торжестпопа-
ло; и для того дрепняя Исторія
пѣроятности споей лишилась, и
пъ басни препратиться должен-
стпопала.

Всѣ Историки почитаютъ се-
го Императора добродѣтельнымъ и
благочестипымъ, ежели непросп-
щеніе можетъ благочестiемъ на-
зпаться; псѣ пишутъ о немъ,
что онъ изпрапилъ богослуженіе,
изкорениль злоупотребленія, учре-
диль градопрапительстпо, устано-
пиль законы и здѣлалъ споихъ
подданныхъ щастлипыми. Что дру-

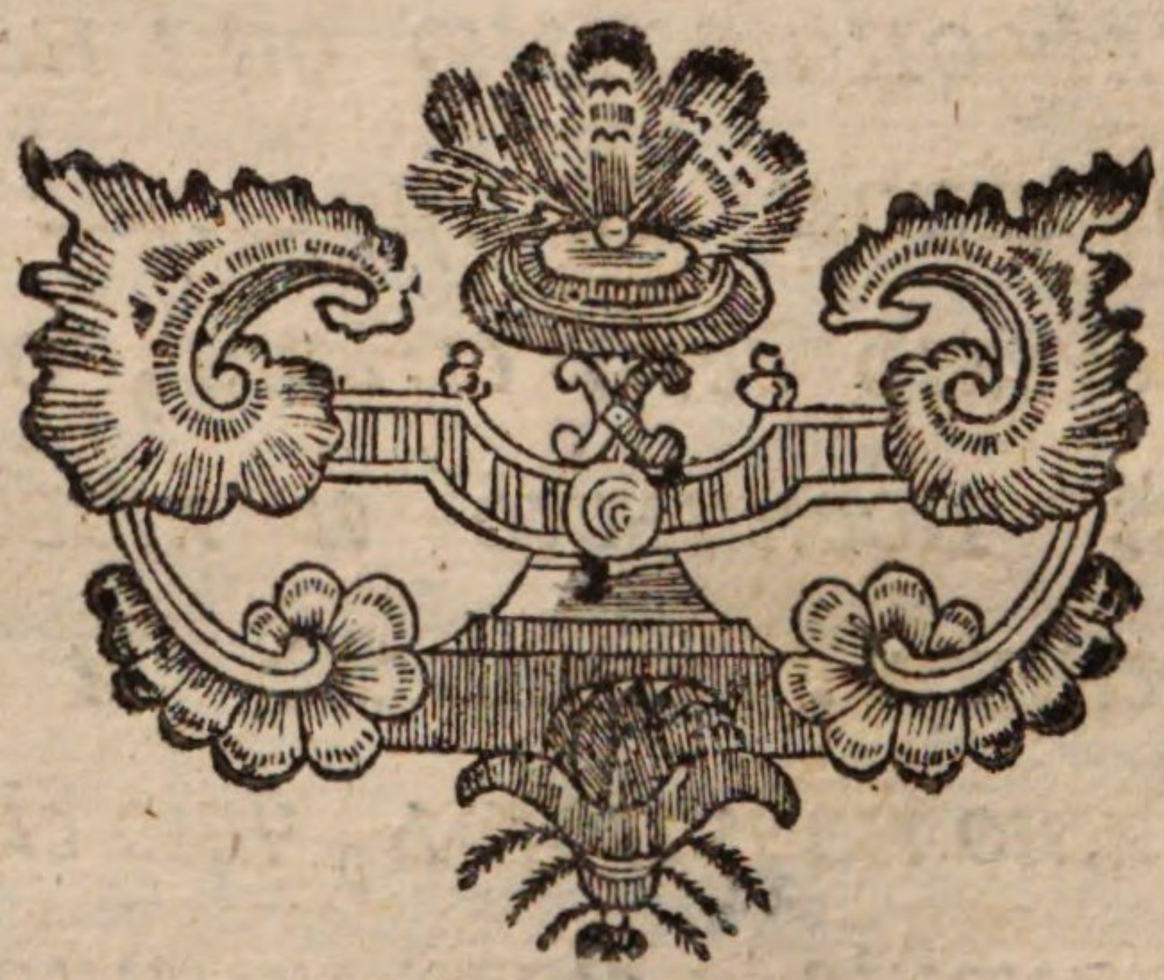
гое имя великаго заслужитать можетъ? и приплечь къ себѣ добродѣтельныя сердца?

Сіе сочиненіе есть плоды празднаго размышленія, которое воображая себѣ благополучное состояніе общества, подъ скипетромъ Нумы его обрѣтало. Не тщеславіе и не пристрастіе побудителями къ тому были; но едина любовь ко истинѣ и желаніе добра человѣческому роду, на которыхъ и сочиненіе сіе основано. Издатель сей книги позволяетъ критикамъ говорить о ней, что они хотятъ; онъ увѣренъ, что и безъ его позволенія не избѣжитъ она отъ похуленія лжетолкователей; но желаетъ одного, чтобы только не говорили, что сія книга безполезна.

Со-

Сочинитель сей книги неизвѣстень. Извѣстно только то, что она прислана отъ нѣкоторой смиренной особы ко издателю; подлинникъ то былъ, или переводъ, сомнѣмъ упѣриться не можно. По надменному слогу удобно заключить, что сія книга есть труды одного изъ жипущихъ на востокѣ сочинителей, которыя полагаютъ всю красоту сочиненій во избранныхъ слопахъ и въ распещренныхъ мыслахъ: слѣдопательно она переведена. Но видя отпращеніе Нумино отъ суетъ сего свѣта, отъ спирѣпостей поенныхъ и любопь къ человѣчеству, тишинѣ и уединенію, можно подумать, что сія книга есть сочиненіе, наскучившаго свѣтомъ человѣка, который всѣхъ ко спокойной жизни приплечь старается, и который сообщаетъ ее издате-

дателю. Какъ бы то ни было, должно признаться, что ежели бы всѣ такія мысли имѣли, какія имѣлъ сочинитель сей книги, тогда бы человѣческій родъ не нещастливъ былъ, ибо истинна, добродѣтель и прапосудіе торжествопали бы на земли. Они торжествопать въ Россіи начинаютъ. Небо упѣнчай сопершеніе онаго!



НУМА

НУМА

или

ПРОЦВѢТАЮЩІЙ РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

* * *

Истинная слава не всегда оружіемъ пріобрѣтается; побѣдоносныя лавры часто кровію вѣрныхъ сыновъ отечества орошенны бываютъ; торжественныя восклицанія побѣдителей не рѣдко воплемъ вдовъ и сиротъ провождаются; распространяемыя предѣлы государства, иногда внутреннія силы отечества истощаютъ. Но сладкій миръ и любезная тишина цвѣтущее состояніе городамъ и селамъ приносятъ; законамъ придаютъ силу, и спокойныхъ

жителей радостію и веселіемъ наполняютъ; тогда процвѣтаютъ науки; тогда добродѣтели вѣнцами украшаются, сокровища всенародныя множатся и достоинства сіяніе пріобрѣтаютъ. Сія повѣсть будетъ служить истинным доказательствомъ моего вступленія, ежели читать оную будутъ.

ВЪ прохладныхъ тѣняхъ Арицейскаго лѣса, близъ котораго протекаетъ чистоводный *Туберонъ*, отдѣляющій древнюю *Лацію* отъ Сабиновъ и питающій своими прохладными струями дикія поля. Въ сей пустынновидной странѣ, при основаніи раждающагося Рима, представлялись зрѣнію только убогія хижины по зеленѣющимся холмамъ разсѣянныя; стада пасущіяся на лугахъ тучныхъ и между ключей непрестанно шумящихъ; сады сельской простотѣ свойственнымъ вкусомъ расположенныя; при утренней зарѣ слышимы были гласы свирѣлей изъявляющихъ мирное и щастливое житіе пастуховъ и пастушекъ. Тамо представлялась пріятная умѣренность, мать спокойствія; не видно было великолѣпія, слѣдствен-

ственно и зависти. Въ такомъ пріятномъ жилищѣ пребывалъ Философъ именемъ Нума; сердце его было богамъ посвященно, упражненіе свойственное бѣдному и цѣломудренному мужу: Онъ пахалъ землю, стерегъ малое свое стадо, и что всѣхъ упражненій безцѣннѣе, трудами своими питалъ удрученнаго старостію отца. Праздныя часы посвящалъ Нума испытанію сокровенныхъ таинствъ Божества, познанію истинныхъ правилъ добродѣтели, истребленію суетныхъ мыслей, нечувствительно заражающихъ сердце пріятными пороками, уничтоженію прелестей ложнаго щастія и приманчивыхъ блистаній богатства; безъ чего и мудрымъ не былъ бы Нума.

Подъ густыми древесами, вокругъ которыхъ стада его паслися, находилъ онъ пріятныя минуты, или ясняе сказать, чувствовалъ силу и способность, размышлять о прямомъ человѣческомъ благополучіи; способность рѣдкая, но больше досадная ослѣпившимся блистаніемъ гордаго и непостояннаго щастія! Нума не всегда былъ пустын-

никъ, природа произвела его не для бѣдственнаго и низскаго состоянія; предки его были знатны, а свойственники Цари; довольно сего искушенія, удалиться отъ прямаго спокойствія; довольно и труда преодолѣть выгоды плѣняющія сердца наши, и льстящія человѣку питла. Однако Нума былъ Философъ: суеты міра не могли поколебать постоянства души его, и любовь къ добродѣтели, ко уединенію, къ попеченію о его отцѣ, побѣдили въ немъ мірскія искушенія, и здѣлали изъ него пустынника. Едва имовѣрны паки побѣды!

Повѣдалъ бы я читателямъ, какими размышленіями утѣшалъ духъ свой уединенный Нума, но повѣсти моей предлежатъ обстоятельства большей важности, и мыслямъ Нумы важнѣйшихъ перемѣнъ.

Въ нѣкоторый день, когда солнце половину теченія своего совершило, и трудамъ отдохновеніе назначило, Нума помнящій непрестанно о пользѣ престарѣлаго отца своего, оставляетъ обыкновен-

кновенную свою земляную работу; возложа на плеча свои наполненную но́шу зрѣлыми плодами, вЪ рукахЪ имѣя серпЪ, орошенЪ по́томЪ, возвращается во свою хижину, устроить своему родителю сладкій обѣдЪ. Приближаясь ко своему жилищу, видитЪ во преддверіи онаго множество РимлянЪ. Сердце его вострепетало; не страхомЪ оно колебалось; мудрыя страха не имѣютЪ; новыя бѣдствія двухЪ народовЪ любезнаго его отечества новыя опасности ему представляютЪ. Увы! говоритЪ онЪ: Римляне и Сабины погибаютЪ, оружіе соединило два сіи народа, оружіе и раздѣляетЪ ихЪ. Увы! родитель мой, родитель мой любезный, здравЪ ли ты? Ты мнѣ всего дороже. Говоря сіе приходитЪ кЪ хижинѣ. Удивленіе Нумино умножается, когда увидѣлЪ онЪ стоящихЪ сЪ почтеніемЪ передЪ отцемЪ его двухЪ РимскихЪ вельможЪ, Юлія Прокула и Валерія Волезія Сабинянина. Одежда его пылью покрытая, орудія земляныя, которыя вЪ рукахЪ его еще были, представлялись ему на сей только часЪ непристойными; не для него собственно, но для очей двухЪ Вель-

можъ ко прелестному великолѣпію привыкшихъ и ласкательною суетою уже обманутыхъ. Не стыдитесь взирать на сіи рубища, говоритъ онъ Прокулу и Валерію, они меня добродѣтельнымъ и полезнымъ себѣ учинили.

А добродѣтели твои, отвѣчалъ Валерій, дѣлаютъ тебя Царемъ Римскимъ; прими Нума сей вѣнецъ и царствуй нами.

Какое было удивленіе всѣхъ домашнихъ и сродниковъ добродѣтельнаго Нумы? Разслабленный отецъ его едва послѣднихъ силъ не лишился. Марцій сродникъ его, оцепенѣлъ, одинъ только Нума равнодушно выслушавъ рѣчь Валеріеву, безъ отвѣта бросился подать помощь ослабѣвшему своему родителю. Ласковыя объятія и старанія привели старика въ силу, и Нумѣ дали время отвѣтствовать.

„Римляне! Римляне! говорилъ онъ, или вы ругаетесь моею добродѣтелью и моимъ уединеніемъ, или хотите за оныя наказать меня. Ежели вы мнѣ ругаетесь, я не досадую на васъ, ибо

не

не могу ни на кого злобствовать; но ежели подлинно вы нарекли меня Государемъ своимъ, то я не прощу вамъ онаго. Какое право имѣете вы нарушать спокойствіе простаго гражданина, и еще больше безмолвнаго пустынника? Спросили ль вы меня, желаю ли я перемѣнить уединенную жизнь мою? Жаловался ли я Сенату и народу Римскому на бѣдное мое состояніе? искалъ ли я? помышлялъ ли? требовалъ ли вашей короны? Вы говорите мнѣ, добродѣтели твои тебя дѣлаютъ нашимъ Государемъ; Римляне! развѣ добродѣтель однимъ Государямъ свойственна и гражданину излишна? и развѣ добродѣтель убѣжавъ изъ городовъ въ однихъ пустыняхъ странствуетъ? Вы хотите наградить меня за нея короною, но вы налагаете на меня узы преодолѣвающія мои силы, и заключающія меня въ тяжкую неволю. Ибо всѣ состоянія человѣческія подвержены безпокойствамъ и перемѣнамъ; но больше всѣхъ тому подвержены престолы. (*) Зависть ни на минуту не отходитъ отъ него, и

(*) Ешардъ въ Римской Исторіи Томъ I.

правда къ нему приступить трепещетъ, страхъ и печали его окружаютъ; хотя наружности его пріятны и зависны, но внутренности горестны и безпокойны. Я люблю свое состояніе, и не хочу перемѣнить его. Не думайте, чтобы я для пользы моего отечества не хотѣлъ принять бремени правленія. Нѣтъ! я жертвую богамъ, народу и славѣ его жизнь мою; но жертву сію хочу принести не въ вѣнцѣ и на престолѣ. Въ сихъ рубищахъ! въ сихъ рубищахъ могу вамъ также полезенъ быть какъ и въ порфирѣ. Вельможи Римскіе! для чего вы на меня глаза обратили при избраніи себѣ Царя? Чего вы отъ меня ожидаете? Я привыкъ къ пустынножительству, богослуженію, къ миролюбію, и войну ненавижу. Вы народъ храбрый и мужественный, ищите себѣ Государя между Героями, который бы возгремѣлъ побѣдами; отнесите скипетръ сей такому, и оставьте мнѣ мою хижину и моего отца.„

Вельможи Римскіе пораженны были словами Нумы. Удивленіе ихъ умножило больше еще почтенія къ Философу,

софу, и больше усугубило желанія, быть подданными толико мудраго Государя.

ОтецЪ Нумы, внимая такому великодушному пренію, радостными слезами обливался, и когда движимый разными воображеніями духЪ его пришелЪ во благополучное успокоеніе, тогда дрожащимЪ голосомЪ и протянувЪ ру́ки ко своему цѣломудренному сыну говорилЪ онЪ: СынЪ мой, сынЪ любезный! ни престолу, ни народу ты столько не нуженЪ, сколько отцу, изнемогающему подЪ бременемЪ болѣзненной старости; но мы не ради самихЪ себя на свѣтЪ раждаемся; мы обязаны вЪ нашей жизни больше ближнимЪ своимЪ быти полезными нежели самимЪ себѣ. Ты отрекаешся отЪ престола, для наблюденія вЪ тишинѣ добродѣтели и для почитанія твоихЪ боговЪ. Но гдѣ удобнѣе распространяться добродѣтелямЪ, какЪ на престолѣ? и гдѣ лутче проповѣдывать о величествѣ боговЪ, какЪ во пріобрѣтенномЪ государствѣ? Не отрекайся отЪ вручаемаго тебѣ вѣнца. РимЪ послушенЪ будетЪ твоимЪ законамЪ, ежели они добродѣтели будутЪ имѣть своимЪ

основаніемъ; ступай на престолъ Нума; сердце мое привыкшее ко предчувствованіямъ, возвѣщаетъ мнѣ, что Римъ будетъ процвѣтать и ты будешь благополученъ управляя онымъ. Поди и оставь меня во уединеніи лишеннаго моей супруги, и твоей жены, которыя были радованіемъ сéрдца моего. Ступай, послѣдуй моему примѣру, нещадящему ради общей пользы послѣдняго утѣшенія, своего любезнаго сына.

При сихъ словахъ слéзы его умножились, и пронутый скорбію отца своего Нума вскричалъ: я тебѣ одинъ остался, о! родитель мой, и меня похищаютъ у тебя; помню я, увы! помню, когда затворя очи любезной моей Таціи своими руками, повергся ты мнѣ на шею трепещущъ и рыдающъ, оросилъ мое лице слезами, и говорилъ стеная: послѣднее мое утѣшеніе, сынъ мой, ты остался при старости моей подпорой, ты будешь питать безсильнаго отца, и ты услыша послѣдней вздохъ мой, сомкнешь уста и очи мои. Я ли сіи слова забуду? Я ли отца моего оставлю? Кто дрожащія

но́ги

ноги твои подкрѣплять будетъ, увы! кто . . . .

Народъ отвѣчалъ спокойнымъ видомъ, Помпоній; народъ, похитившей тебя отъ погасающаго зрѣнія моего, врученной тебѣ короны и престолъ, не допуститъ тебя сѣтовать о убожествѣ родителя твоего, и естьли твоими добродѣтелями заслужишь имя отца отъ народа, то останется ли уже твой отецъ безъ по́мощи. Царствуй Нума, и прими мое благословеніе.

Убѣжденный словами отца своего Нума, которыя подкрѣпляемы были сродникомъ его Марціемъ и Римлянами, (*) принялъ правленіе.

Но прежде вступленія въ Римскія сте́ны, до которыхъ не малое разстояніе было, просилъ онъ Вельможъ и воиновъ Римскихъ, укрѣпиться пищею, какую боги ему послали. Нума самъ угощалъ своихъ собесѣдниковъ. Тогда наслаждаются го́сти сладкимъ обѣдомъ, и дивятся учрежденію его домостройства;

(*) Ешардъ тамже.

ства; похваляютъ вкусныя ѣства, которыя раченіемъ и трудами новаго ихъ Государя собраны были; и гордость Вельможъ Римскихъ въ первый разъ почувствовала, сколь низка и гнусна она передъ подлинными достоинствами.

Нума не хотѣлъ прежде въ Римъ вступить, доколѣ не принесетъ домашнимъ своимъ богамъ послѣдней жертвы; Римляне остались при отцѣ его, и время отсудствія Нумы въ полезной бесѣдѣ проводили.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Между освященными древесами, стоящими во внутренности Арицейскаго лѣса, былъ воздвигнутъ храмъ богинѣ Вестѣ. Зданіе сіе было невеликолѣпно, но прелестно и просто сотвѣтствующее ея имени. Олтарь ея никогда не былъ орошаемъ кровію закалаемыхъ жертвъ. Священнодѣйственники не обезславили храмъ богининъ стяжаніемъ всенароднаго имѣнія; умѣрен-

ренность дивная въ такихъ людяхъ, которые уставили себя посредниками отъ Бога къ народу! Доброе житіе, сѣтующимъ полезныя совѣты, попеченіе о немоществующихъ и вспоможеніе бѣднымъ составляли всечасное ихъ упражненіе; и для того храмъ сей здѣлался прибѣжищемъ добродѣтельныхъ людей; для того не имѣлъ онъ гордыхъ украшеній, и не блисталъ златомъ и другими каменьями, которые тщеславіе и подлая робость обыкновенно божеству посвящаетъ, а корыстолюбіе и лукавое смиреніе пріемлетъ. Но добродѣтель будучи всегда непорочна и смиренна, кромѣ чистаго сердца, и воспаленнаго любовію духа, Богу инаго приносить не можетъ. Одинъ грѣхъ знаки своего беззаконія и временнаго разкаянія всенародному зрѣлищу оставляетъ и мучащаяся совѣсть ищетъ чрезъ корысти посредника, для примиренія съ разгнѣваннымъ божествомъ.

Не таковы были приходящіе во храмъ богини Весты: наблюдать ея законы, не давая мзды богинѣ за добрыя свои дѣла, было ихъ первымъ правиломъ.

ломъ. Священнослужители были кротки, цѣломудренны, несребролюбивы, слѣдовательно угодны богамъ и любезны людямъ. Сему добродѣтельному обществу непорочныхъ дѣвицъ, (ибо оно изъ дѣвицъ состояло), предначальствовала жрица, не природою и богатствами сего званія достигшая почти обыкновеннымъ средствомъ къ высокимъ степенямъ; она достигла сего достоинства добрыми дѣлами. Но только и видны были одни добрыя дѣла ея; ибо лице жрицыно отъ очей непросвѣщенныхъ всегда сокрыто было, непроницательное и длинное покрывало она на главѣ своей имѣла, которое умножая любопытство, почтенія къ ней не убавляло.

Нума оставя домъ свой приближался къ богинину храму, колеблемъ разными мыслями. Пріемлющіе скипетръ отъ народа должны много мыслить! Не одно благочестіе влекло его въ сіе святое мѣсто. Неизвѣстная жрица часто во время его уединенія съ нимъ бесѣдовала, часто наслаждался онъ ея мудрыми и чистосердечными совѣтами,

паче

паче всѣхъ мірскихъ утѣшеній облегчающими свойственныя человѣкамъ безпокойства. Онъ по ея правиламъ учреждалъ всю жизнь свою, и сталъ совершенно премудръ; а такія качества пріобрѣли Нумѣ довѣренность жрицыну. Она во время безпечныя жизни его, наставляла его быть благоразумнымъ, то сколь нужны стали теперь ея совѣты Нумѣ, когда здѣлался онъ Государемъ.

Нума входитъ въ освященную рощу, гдѣ пріятная тишина царствуетъ. Пріятное стенаніе горлицъ и шумъ прозрачныхъ источниковъ, знаменованія мирнаго сего жилища, между древесъ раздавались. Благовонныя цвѣты и трава свѣжесть по воздуху растворяющая, зрѣніе и обоняніе плѣняли, густыя и высокія древеса древностію своею равныя міру, нѣкое почтеніе въ сердца приходящихъ влагали. Сердце Нумино трепетало неизвѣстнымъ предзнаменованіемъ движимое; зрѣніе его было омраченно, колѣна тряслись, въ такомъ состояніи пришелъ онъ ко вратамъ храма, гдѣ чаетъ видѣть жрицу,

отъ

отъ жертвенника къ нему идущую. Но какое было его удивленіе, когда самая сія невидимая прежде жрица, премудрая его собесѣдница, предстала очамъ его во своемъ образѣ! Тонкое сіяніе освѣтило темную рощу; онъ узрѣлъ передъ собою красоту, человѣчество превосходящую; одежды ея бѣлизною подобились снѣгу, бѣлыя ея власы тихія зефиры возвѣвали, изъ очей ея блисталъ пламень проницающей въ сердце. При семъ пріятномъ явленіи, дышущіе между цвѣтовъ вѣтры остановились, древеса перестали колебаться, воздухъ былъ недвижимъ, все умолкло; Нума ослѣпленный небесной красотою, палъ на колѣна и покрывъ рукою глаза свои вскричалъ: о! богиня прости смертнаго дерзнувшаго предстать передъ тобою.

Не соединяй божества со твореніемъ, отвѣчала жрица; я не богиня, но существо мое превосходитъ человѣчество. Нума! добродѣтельный Нума! познай во мнѣ Нимфу Егеру, (*) я бесѣ-

(*) Плутархъ, Дїонисїй Аликарнасскїй и Ешардъ.

бесѣдовала съ тобою подъ видомъ жрицы; я укрѣпила твое сердце противу воюющихъ на него слабостей, и дýшу твою отъ борящихъ ее страстей избавила; боги возхотѣли наградить твои добродѣтели; они предуставили тебя ко правленію Римскаго престола; боги, пекущіеся о народахъ, которыя хотятъ прославити, приготовляютъ для нихъ за благовременно владѣтелей; нынѣ тебя они избрали Риму, готовящемуся учиниться обладателемъ свѣта, и примѣромъ громкія славы! Нума ты всѣ дарованія приличныя мудрому владѣтелю ужѐ имѣешь; гряди въ Римъ; царствуй и положи основаніе сему щастливому государству, котораго власть и оружіе во всѣ предѣлы міра распространятся.

Сей народъ любезный богамъ, при самомъ своемъ рожденіи изтребляется; пятидневныя его начальники, Сенаторы Римскія, стараясь укрѣпить и возвысить общее благополучіе непрестанно его разрушаютъ; они другъ друга ненавидятъ и боятся, а зависть ихъ народу въ язвы обращается; разныя на-

чальства, не пріобучая сéрдецъ къ добродѣтелямъ, только разныя пороки въ нихъ производятъ, и колеблющееся море общества, не приходя ни на часъ во успокоеніе, день отъ дня сильнѣйшими вѣтрами обуревается; словомъ, Римъ отъ разныхъ начальствъ и не имѣя ни единаго начальства погибаетъ; тѣло сіе, неимѣющее главы, не знаетъ какому чувству повиноваться, но вдругъ всѣми обременяемое, всечасно въ безсиліе приходитъ. Риму потребенъ одинъ Государь!

Не отрекайся отъ скипетра, который для возстановленія блаженства подданныхъ тебѣ вручается; духъ способный производитъ дѣла великія, и нехотящій поревновати о томъ, противенъ богамъ, и лицу ихъ не предстанетъ. Бодрствуй Нума и поспѣшай въ Римъ.

Повинуюся твоимъ словамъ, прекрасная Нимфа, отвѣчалъ Нума, но прилично ли пустыннику, стрегущему свои стада, оставить посохъ и принять скипетръ въ рýки? Мнѣ ли привыкшему

выкшему къ дикимъ пустынямъ, къ полямъ зеленымъ и лѣсамъ дремучимъ? мнѣ ли удобно возпріять на рамена свои всенародное правленіе? а паче народа въ грубости погруженнаго и варварскимъ кровопролитіемъ жаждущаго? Какой пользы? какого исправленія? какихъ выгодъ Римъ отъ меня ожидаетъ? Римъ, привыкшей къ ложной славѣ, честолюбію и свирѣпымъ войнамъ. Чувствую благодѣяніе боговъ избирающихъ меня Государемъ, но чувствую, что мои способности и склонность моя волѣ ихъ не соотвѣтствуютъ; ибо чѣмъ больше представляю въ мысляхъ своихъ должность владѣтелей, тѣмъ нахожу меньше въ себѣ возможности править государствомъ. Не одна добродѣтель нужна къ тому, многаго проницанія, духа великаго и разума обширнаго сіе званіе требуетъ. Оставь меня здѣсь Егера; уединеныя сіи мѣста веселѣе бы мнѣ были нежели гордыя стѣны Римскія, сердце бы мое лутчими веселіями питалось нежели забавами цѣлаго народа; но я въ мысляхъ своихъ мѣшаюсь, о! прекрасная Нимфа, почто я не пустынникъ и почто Король Римской.

Безъ того никогда бы ты не видалъ меня, говорила Нимфа. Боги тебя возлюбившія, меня собесѣдницей твоей опредѣляютъ, и мы будемъ неразлучны; поди и дѣлай благополучными Римлянъ! Все то, что достойному Государю нужно имѣти, ты имѣешь; можетъ быть, уединенная жизнь твоя сокрыла отъ тебя свóйства сердецъ человѣческихъ, которыя правленію твоему вручаются, можетъ быть, подданные твои тебѣ неизвѣстны. Ежели пóмочь моя тебѣ нужна будетъ, нареки мое имя, я тебѣ предстану. Потóмъ двери храма затворились, и Нимфа стала невидима.

Нума удивленъ и восхищенъ совѣтами Егеры, стоялъ почти недвижимъ; сокрывшаяся отъ очей его Нимфа, казалось сокрыла съ собою и всѣ утѣхи, обитающія до сего въ семъ освященномъ мѣстѣ; увеселительныя виды изчезли, нѣжное дыханіе зефировъ ему скучно стало, чистый воздухъ здѣлался непріятнымъ, и журчаніе водъ противно; такову силу разумная бесѣда имѣетъ надъ сердцами добродѣтельными. Нума почти обворожень былъ Нимфою, и конечно

нечно бы забылъ предложенный престолъ и вручаемый скипетръ ему, можетъ быть, онъ бы забылъ и всѣхъ Римлянъ, ежели бы воспоминая слова Егерины не привелъ на память и совѣтовъ ея, вос-помнилъ тогда и повелѣніе Нимфино ити въ Римъ и принять правленіе.

Нума не страстною любовію, но благоразуміемъ, искренностію и премудрыми совѣтами Нимфы Егеры побуждаемъ; повинуется ея волѣ, или сказать лутче, волѣ боговъ зовущихъ его на царство. Возвратился онъ въ домъ свой и нашелъ обрадованную его приществіемъ бесѣду.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Когда Нума приближался ко стѣнамъ Римскимъ, провождаемъ Вельможами и воинами, тогда собравшіяся изъ окрестныхъ мѣстъ пастухи и пастушки поспѣшали во слѣдъ ему. Нума будетъ нашимъ Государемъ, вопіяли они! Сей Нума, который будучи самъ бѣденъ, облегчалъ подаяніями нищету нашу, дѣлилъ съ нами имѣніе свое, подавалъ

намъ премудрыя совѣты во хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, установлялъ между нами союзъ и дружелюбіе, и тогда ужѐ повелѣвалъ нашими сердцами. Ежели онъ таковъ былъ, будучи простымъ человѣкомъ, то каковъ онъ будетъ ставъ нашимъ Государемъ. Слова сіи были провождаемы радостными восклицаніями и веселымъ плескомъ, которыя возвѣстили Римлянамъ во стѣнахъ живущимъ о приближеніи новаго ихъ Государя.

Нума встрѣченъ былъ Римлянами со всѣми знаками радостнаго восторга, который производитъ вступленіе на престолъ Государей общимъ желаніемъ избранныхъ. Да здравствуетъ новый нашъ Государь, кричали они! да здравствуетъ Нума! достойный преемникъ Ромуловъ! Радость всенародная была столь велика, что казалось, будто Римъ пріобрѣлъ новое государство, а не новаго Государя.

(*) Авгуры, стоящіе на вершинѣ горы Тарпейской, возвѣстили народу благо-

(*) Смотри Универсальную Исторію Аглинскаго ученаго собранія Томъ VIII. и Ешарда.

благополучныя признаки царствованія Нумы. Громъ ударилъ съ лѣвой стороны, и молнія текла отъ востока къ западу. Народъ усугублялъ радостныя восклицанія; сердца ихъ были наполнены веселіемъ а размышленія разумнымъ правленіемъ Нуминымъ. Тако утѣшаетъ земледѣлателей возсіявшее солнце, которое темными облаками многія дни покрыто было.

Квириты, свѣдавъ о вступленіи Нуминомъ на престолъ, присоединились Римлянамъ, и радость ихъ усугубили. Благоразумный Государь плѣняетъ сердца, а храбрый побѣждаетъ города и жителей.

Нума, посвятивъ жертву богамъ Римскимъ, возносилъ имъ искренее моленіе о благоденствіи вручаемаго ему народа, о подкрѣпленіи его силъ къ понесенію бремени правленія и вразумленію непорочныхъ божескихъ законовъ. Приличны таковы моленія Государямъ, желающимъ учинить щастливыми подданныхъ; ибо слава, спокойствіе, а всего важнѣе и погибель всенародная отъ ихъ воли зависитъ.

Окончавъ приличные обряды вступившему Государю на престолъ, и когда первыя движенія радости при новомъ правленіи утишились, Нума удалился въ королевскіе чертоги, Ромуломъ поставленные. Онъ пришелъ въ немалое удивленіе, когда увидѣлъ воиновъ Римскихъ окружающихъ его чертоги. Призвавъ ихъ начальника, спрашивалъ онъ: невольникомъ своимъ или Государемъ вы меня дѣлаете? На что сія стража? и кто учредилъ ее? Ромулъ! отвѣчалъ военачальникъ, сей Государь учредилъ хранителей при своихъ чертогахъ. Мнѣ неизвѣстны намѣренія Ромуловы, сказалъ Нума: но я не хочу отнять у народа полезныхъ гражданъ, (*) когда все число оныхъ весьма не велико. Сіи воины должны раздѣлять труды цѣлаго общества, а не для единаго человѣка жить во стѣнахъ Римскихъ. Они обязаны больше собственнымъ своимъ нуждамъ, своимъ родителямъ, дѣтямъ и сродникимъ, а не

(*) Аглинскаго ученаго общества Универсальная Исторія Томъ VIII. стр. 42. во Французскомъ переводѣ.

не праздному наблюденію моей безопасности. СверьхЪ того, имѣетЪ ли стражу отецЪ, живущій среди чадЪ своихЪ? Я хочу и долженЪ принять имя отца вашего, и желаю отЪ васЪ сыновняго повиновенія и дружества. Воины сіи или меня отЪ страха избавлять, или въ народѣ страхЪ производить должны. Я не принялЪ бы вашего вѣнца, ежели бы я опасался васЪ, и лучше хочу любовь произвесть нежели страхЪ въ сердцахЪ моихЪ подданныхЪ. Всѣ вы жизнь свою ввѣрили мнѣ, я вамЪ свою жизнь ввѣряю, и взаимная безопасность да будетЪ залогомЪ искренности и вѣрности между нами. Ваше усердіе и любовь ко мнѣ, будутЪ мнѣ воинами и оградою моею; люби́те меня и удалите отЪ очей моихЪ все то, что вамЪ или мнѣ сумнѣніе пода́ть можетЪ. ПотóмЪ отослалЪ Нума воиновЪ въ ихЪ домы.

ВЪ то время Албы, присоединенный городЪ Риму, лишился своего Диктатора; надлежало избрать достойнаго мужа кЪ правленію го́рода сего. Тогда Спурій Волетій, бывшій послѣднимЪ поде́ннымЪ правителемЪ Рима, предла-

галъ Нумѣ о избраніи Вельможи для диктаторства въ Албахъ. Мнѣ еще не извѣстны способности здѣшнихъ Вельможъ, отвѣчалъ Нума. Пустынническая жизнь моя учинила меня знающимъ должности человѣческія, но скрыла отъ меня точное свѣденіе о здѣшнихъ Вельможахъ. Спурій ты жилъ всегда въ Римѣ, ты былъ послѣднимъ правителемъ государства, тебѣ должны быть извѣстны склонности всякаго гражданина, а наипаче здѣшнихъ Сенаторовъ; по тому что ты былъ ихъ начальникомъ; ты самъ типло сіе имѣешь; нареки мнѣ, кого способнѣе для диктаторства въ Албахъ ты почитаешь, я соглашусь на твой выборъ. При семъ ты долженъ согласить свою совѣсть съ пользою народа, и сердце твое оградить отто всякихъ пристрастій, въ чемъ я и не сумнѣваюсь.

Сей Сенаторъ былъ коваренъ и нечеловѣколюбивъ, язва опасная для Государя и для народа, совѣсть его, ежели можетъ въ такомъ человѣкѣ какая быть совѣсть, то была зла и ухищрен-

на.

на. Спурій почелъ сей случай удобнымъ къ повреждению своихъ ближнихъ въ мысляхъ новаго своего Государя, который малодушнымъ ему казался: началъ онъ изчисленіемъ своихъ заслугъ всему народу, изображеніемъ безкорыстнаго своего сердца, искренней любви ко своему отечеству; потомъ склонилъ свои рѣчи къ сожалѣнію о худомъ состояніи Рима, въ которое онъ приведенъ былъ во время междуцарствованія отъ разныхъ правителей. Онъ описывалъ многія непорядки прежнихъ начальниковъ, ихъ несогласіе, злобу, невѣрность, нерадивость и слабость; наконецъ заключилъ о всѣхъ своихъ сочленахъ со притворнымъ сожалѣніемъ, что не признаетъ изъ нихъ ни единаго способнымъ. Старый Сулпицій, говорилъ онъ, есть человѣкъ безпокойнаго духа, угрюмость его и своенравіе часто весь народъ въ неудовольствіе приводили; Сей человѣкъ столько же скученъ домашнимъ своимъ сколько всему городу, и сей недостоинъ быть Диктаторомъ. Фабій человѣкъ зараженный честолюбіемъ, гордостію и наполненный коварства; Сей никогда

когда своимъ состояніемъ доволенъ не бываетъ, мысли его время отъ времени выше возносятся, свóйства сего человѣка опасны и диктаторства онъ недостоинъ. Константій неправосуденъ, горячъ, къ подчиненнымъ свирѣпъ, къ сверстникамъ холоденъ, и диктаторства недостоинъ. Сіи суть изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Римскихъ; прочія склонны ко лихоимству, къ хитростямъ, злобѣ, клеветамъ и грабительствамъ, и ни одинъ изъ нихъ недостоинъ диктаторства.

Ты меньше всѣхъ того достоинъ, перервавъ его рѣчь, вскричалъ Нума. Спурій! ты мнѣ описываешь лучшихъ Вельможъ Римскихъ, съ которыми должно мнѣ раздѣлять свое правленіе, людьми вредными обществу и зараженными гнусными пороками. Жестокій человѣкъ! чаешь ли ты, чтобъ сердце мое утѣшалось слыша сколь злобныхъ и недостойныхъ подданныхъ я имѣть буду. Веселятъ ли Государя пороки людей ему подчиненныхъ? а больше пороки его соправителей? и благополученъ ли тотъ владѣтель, который раз-

развращеннымъ и недобродѣтельнымъ народомъ владѣетъ? Ты меня дѣлаешь всенароднымъ мучителемъ! Ахъ! есть ли кто нещастнѣе Государя, который мучителемъ быти долженъ, когда онъ самъ звѣрскаго сердца не имѣетъ. Ты, вселяя мнѣ такія мысли въ первыя дни моего правленія заставляешь меня разкаяваться, что я престолъ вашъ принялъ. Вотъ плоды твоего злорѣчія! О! Спурій, я знаю, что всѣ человѣки слабы, но не всѣ они худы. Желай лутче изправленія, нежели наказанія, и будемъ всѣ благополучны. Потомъ назначилъ Нума Диктаторомъ въ Албы сродника своего Марція, который, споспѣшествуя намѣренію своего Государя, былъ добрымъ правителемъ и честнымъ человѣкомъ.

Въ скоромъ времени отвѣтъ Нуминъ учиненный злобному Спурію разнесся по всему народу, и предвозвѣщалъ имъ благополучную жизнь при семъ Государѣ. Сказываютъ, что Спурій самъ разсказалъ всему городу о своемъ разговорѣ съ Нумою. Пришелъ въ разкаяніе о злобныхъ своихъ намѣре-

мѣреніяхъ, и здѣлался добродѣтельнымъ.

Щастливы Государи, которыхъ взоръ и каждое слово заграждаетъ уста клеветниковъ, и вредной ненависти ко своимъ ближнимъ предъ ихъ лицемъ распространяться не дозволяютъ. Щастливы и подданныя, которыя не страшатся погибели, когда добродѣтели слѣдуютъ, и пагубнаго наущенія своему Государю не опасаются. Таково было царствованіе Нумино: клевета отъ его престола съ молчащимъ мученіемъ далеко убѣжала. Злоба, видя затворенныя пути ко правосудному владѣтелю, изчезла; гордость приклонила главу свою и честность процвѣтать начала. Можетъ быть, почтутъ сіе описаніе вымысломъ, сожалѣтельно, что щастіе человѣческое вымышляти должно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спокойство Нумина духа было вновь потревожено непріятными приключеніями, которыя при началѣ его правле-

правленія возпослѣдовали. Основательныя его размышленія приходятъ въ нѣкоторое замѣшательство множествомъ непорядковъ его примѣчанію встрѣчающихся. Тогда воображенію его представилась вся важность государской должности, и почувствовалъ онъ всю тягость, которую царскій вѣнецъ на главы Монарховъ возлагаетъ. Наконецъ общество изключило меня изъ числа своего, говорилъ онъ, изключило и вознесло на высочайшую степень мнимаго человѣческаго блаженства! Но какою дорогою цѣною долженъ я платить за мои преимущества? Знатнѣйшія мои выгоды, не видѣть себѣ равнаго, а самая сія выгода бѣдственна и непріятна. Щастливъ ли тотъ человѣкъ, который лишается права, способовъ и возможности наслаждаться откровенностію сердецъ людей вмѣстѣ съ нимъ живущихъ? Искренность всякаго человѣка или мнѣ подозрительна или моя подданному опасна. На чемъ же утвердить мнѣ свои разсужденія, и кому ввѣрять мои намѣренія, когда со всѣхъ сторонъ сумнительства насъ окружаютъ; отвсюду горесть

и

и отчаяніе; а польза общая между такими супротивными состояніями изчезаетъ.

Высокостъ моей степени въ трепетъ меня приводитъ должна, потому что ненадежныя и колеблемыя подпоры имѣетъ; ненадежны они по сумнительнымъ совѣтамъ и худой помощи моихъ соправителей, а колеблемы по природному всѣмъ намъ несовершенству. Я долженъ съ высоты моего престола взиратъ недремлющимъ окомъ на волнующееся непрестанно общество, и при сладкомъ его успокоеніи одинъ трудиться и не усыпатъ. Безпокойство каждаго гражданина долженъ почитатъ своимъ безпокойствомъ; болѣзни ихъ своими болѣзнями и до самыхъ недостатковъ принимать общія на себя; бремена всего народа на рамена мои возложенны. Я отвѣчаю за самыя чувствованія гражданъ моихъ, когда каждый отъ меня ихъ скрывать старается. Одни добродѣтели подданныя собственному дарованію приписываютъ! Нѣтъ ниединаго дня, ни часа, въ который бы духъ достойнаго Государя могъ успокоить-

ся.

ся. Всѣ минуты жизни своей должно изчислить, и ни единыя не оставляя себѣ, всѣми должно жертвовать пользѣ всенародной. Что же изъ того послѣдуетъ, будетъ ли щастливъ Государь? Будутъ ли благополучны подданные? Нѣтъ! желанія человѣческія безпредѣльны; а способы удовольствовать ихъ недостаточны и роптаніе не можетъ укротиться. Вотъ состояніе и преимущества владѣтелей! Нужная строгость ихъ мучительствомъ почитается, милость слабостію, кротость робостію, и самое правосудіе иногда пристрастіемъ, иногда нарушеніемъ истины. Лишиться друзей, спокойства, свободы, быть выше всѣхъ человѣковъ, и здѣлаться рабомъ ихъ прихотей, имѣть все и не почитать ничего собственнымъ; сіи то выгоды Монарховъ, и симъ заплатить должно за приносимыя имъ титла. Гдѣ пріятныя минуты философской моей жизни? Когда необязанъ я былъ ни о комъ рачить и мыслить, какъ объ одномъ себѣ; но и къ тому часто силъ моихъ не доставало. Теперь слабыя силы долженъ я раздѣлить на безконечныя части, да-

бы такъ стараться и радѣть о каждомъ Римлянинѣ, какъ я радѣлъ прежде о единомъ Нумѣ. Увы! какая громада вдругъ на мои размышленія и на сердце мое опроверглась; боги и человѣки! которымъ совѣсть моя за цѣлое общество отвѣчать должна, подайте крѣпости моему духу, да не паду подъ бременемъ на меня возложеннымъ и моимъ паденіемъ не обременю моего общества. Что мнѣ дѣлать? Гдѣ? увы гдѣ? мудрая Нимфа Егера обѣщавшая подкрѣпить меня своими совѣтами. Теперь они нужны мнѣ о! Нимфа, приди и просвѣти умъ мой.

Тако сѣтующу Нумѣ, вдругъ предстала очамъ его Нимфа, лице ея было свѣтло и спокойно, она уже имѣла на себѣ прежнюю жрическую одежду. Подошедъ ко удивленному присудствіемъ ея Нумѣ говорила Егера: оставь безпокойныя свои мысли добросердечный Нума, я читаю въ сердцѣ твоемъ причину твоего безпокойства; оно похвально, но не совсѣмъ основательно. Не противорѣчу въ томъ, что степень Монаршеская важна и должность его много-

многотрудна; но сердцевидцы боги проразумѣваютъ кому вручати скипетры и на какія главы вѣнцы налагать, когда народъ не раздражаетъ ихъ. Правда, что Римляне имѣютъ склонности еще варварскія; духъ сего народа склоненъ къ войнамъ, грабежъ и убійство въ виду своемъ имѣющимъ. Сердца ихъ корыстолюбивы, мстительны и злобны, разумъ ихъ погруженный во тмѣ невѣжества не имѣетъ другихъ воображеній, кромѣ кровопролитія, грубости и злодѣянія. Неудивительны сіи царствующія пороки въ Римѣ: стекшіяся съ разныхъ сторонъ люди, можетъ быть, не безвинно изгнанныя изъ своего отечества, можетъ быть; прельщенныя вновь установляемымъ обществомъ, гдѣ обыкновенно добродѣтель основаніе не скоро пріемлетъ, а пороки послабляются, или по необходимости терпимы бываютъ. Такіе люди часто изъ просвѣщенія въ невѣжество обращаются и требуютъ времени на порядочное установленіе; ибо они отечества еще не видятъ.

Ромулъ будучи воспитанъ между непостоянным и грубымъ юношествомъ, вперилъ своимъ подданнымъ духъ немиролюбія и хищенія. Обстоятельства сего владѣтеля принудили устремиться ему и его народу на беззаконную дерзость, которая бы сему раждающемуся обществу и Государю ихъ была пагубна, ежели бы сей владѣтель не былъ украшенъ дарованіями приличными мудрому Монарху, которыя изъ тьмы варварства возсіяли, и едва начали просвѣщать его народъ; какъ устремившаяся на добродѣтель зависть вдругъ погасила ихъ, и народъ потерялъ стези благоденствія. Междуцарствованіе разстравило неизцѣленныя раны сего колеблющагося общества; вмѣсто единаго начальника, появилось двѣсти Тирановъ другъ другу послѣдующихъ. Загорѣлось несогласіе, духъ корыстолюбія и безчинства разлился по сердцамъ непостоянныхъ; Вельможи не стараясь о блаженствѣ всенародномъ, только собственное щастіе утвердить старались. Одни влекли народъ къ войнамъ неправеднымъ и беззаконнымъ, дабы корыстью своихъ воиновъ обога-

тились;

питься; другіе установляли постыдный миръ, и въ робости своихъ поддан-ныхъ прибытка искали; злоба, нена-висть и мать пороковъ зависть, на престолѣ утвердились. Вотъ правленіе Вельможей, и вотъ источникъ всѣхъ непорядковъ донынѣ Римъ заражаю-щихъ.

Отвратить сіе зло, укротить сію гидру множество главъ имѣющую и са-моѐ себя язвящую, боги избрали тебя; твои добродѣтели будутъ исцѣленіемъ погибающаго народа. Не слабѣй Нума, ты имѣешь довольно силъ къ понесе-нію бремени царственнаго, ибо ты премудръ и благочестивъ.

Ты избранъ теперь Римскимъ Го-сударемъ, тебѣ вручаетъ народъ свои склонности, дабы къ единому концу ты привлекъ ихъ, тебѣ цѣлость государ-ства, тебѣ невредимость своего здра-вія, безопасность во общежитіи, прав-ду на судѣ, милость, гнѣвъ и любовь къ отечеству, оживляющую сердца чело-вѣческія тебѣ вручили; и поднося вѣ-нецъ и скипетръ цѣлое общество тебѣ

говоритъ: прими сіи украшенія, отъ насъ тебя отличающія, и отличайся достоинствами сердечными, вступи на высокій престолъ, и превзойди всѣхъ насъ добродѣтелями, храни насъ ради себя собственно, храни себя ради нашей пользы, храни цѣлость государства ради твоей славы и нашего спокойства, забудь, что ты слабый человѣкъ и помни, что ты Государь. Того требуетъ общая наша польза, и твоя собственная, тебя мы свѣтиломъ нашихъ чувствъ и сердецъ поставляемъ; не помрачай лучей своихъ, проливай оныя на всѣхъ равно, простирай свое сіяніе на всѣ наши предѣлы, на наши поля, на наши домы и на наши дѣла; ты имѣешь въ разсужденіи насъ безпредѣльную волю, а мы къ тебѣ слѣпое повиновеніе чувствуемъ. Вотъ чемъ тебѣ мы жертвуемъ и какою цѣною платимъ за то, чтобъ учиниться благополучными.

Щастливо то общество, которое незатворенными очами избираетъ правителя своей воли; которое находитъ человѣка достойнаго быть судьею всенарод-

народнымъ, и управлять вождями царства по правиламъ мудраго отца. Въ противномъ случаѣ все придетъ въ замѣшательство, все погибнетъ и въ прахъ превратится. Что не рѣдко ужѣ случалось.

Не страшатъ меня размышленія до блага общаго надлежащія, отвѣчалъ Нума, по тому что я привыкъ думать; не ужасаютъ духа моего труды со престоломъ сопряженные, ибо я не переставалъ въ трудахъ обращаться; притомъ извѣстно мнѣ все то, чемъ я обязанъ въ разсужденіи Государя, человѣка и гражданина; знаю, что владѣтель всѣмъ онымъ быти долженъ, безъ чего и справедливымъ называться не можетъ. Помню, что я современникамъ и потомству, а паче всего богамъ за правленіе мое отвѣчать обязанъ, и помню, что мое благополучіе соединено со благополучіемъ общимъ. Не ради единой роскоши, чести и нѣги мы на престолы восходимъ. Царскій вѣнецъ тогда служитъ украшеніемъ, когда подданныя намъ добродѣтелями украшаются, и престолы только тѣ

спокойны и тверды, гдѣ народъ огражденный безопасностію въ сладкой тишинѣ и благоденствіи пребываетъ. Все то мнѣ памятно и долгъ самодержца мнѣ извѣстенъ; но соединенныя съ человѣчествомъ несовершенства, мысли мои въ неизреченное недоумѣніе приводятъ. Я хочу соблюсти имя отца народу, но врученныя мнѣ чада не хотятъ правиламъ своимъ повиноваться. Спуріево коварство служитъ мнѣ доказательствомъ, сколь нещастны Государи худыхъ Вельможъ имѣющіе, ибо они только обмануть ихъ стараются. Гдѣ же можетъ Государь сыскать столько проницанія, чтобъ охранить свою справедливость отъ препыканій Вельможами для нихъ поставляемыхъ? Гдѣ найти довольно осторожности противу коварныхъ человѣковъ, ибо и мы человѣки? Гдѣ искать правды, когда во благородныхъ сердцахъ мѣста не имѣетъ она? Когда посредники между мною и народомъ толико гнуснымъ порокамъ подвержены, то какъ я одинъ общее благоденствіе основать могу? О! премудрая Нимфа, не столь тяжко мнѣ правленіе государства, сколь тяжки непре-

непреклонные и злые нравы человѣковъ. Не всѣ они таковы, но добрыя нравы часто отъ престола, зависті́ю окружающихъ насъ удаляются, и въ простотѣ погруженны, рѣдко вѣдомы своимъ владѣтелямъ бываютъ; вотъ мои безпокойства, разрѣши ихъ, ежели ты можешь.

По твоимъ разсужденіямъ я нахожу въ тебѣ, сказала Нимфа, больше Философа нежели искусившагося во правленіи Государя. Ты разсуждаешь о всѣхъ человѣкахъ по ихъ слабостямъ: ты воображаешь себѣ Вельможей укрывающихъ свои хитрыя намѣренія подъ видомъ кротости, смиренія и благонравія, какими они иногда бываютъ. Нума, они не всѣ таковы и многія изъ нихъ достойны быть помощниками твоими, но твои сумнительства нѣкоторый видъ справедливости имѣютъ; ибо каждый человѣкъ не хочетъ таковымъ казаться, каковъ онъ есть, а паче предъ лицемъ своего Государя, и для того порокъ отъ добродѣтели различать трудно. Но должно ли тебѣ опасаться частныхъ погрѣшностей, когда цѣлое

общество къ добру привлечь намѣреваешся. Встрѣчающіяся камни, мѣли и пропасти не препятствуютъ рѣкѣ простирать быстраго своего теченія; дѣлай благополучными достойныхъ быть онаго; оставь пороки собственному ихъ мученію и злыя совѣсти внутреннему ихъ угрызенію. Когда ты дѣлаешь для всѣхъ добро, то можешь ли о томъ сожалѣть, кто отъ своихъ дѣлъ погибаетъ и не имѣетъ участія во общей пользѣ. Что же надлежитъ до хитрыхъ и лукавыхъ сердецъ, которыя добродѣтель твою во уныніе приводятъ, не безпокойся; такія люди успѣхъ получаютъ, когда подобныя слабости и склонности во своемъ Государѣ примѣтятъ. Но ты не подверженъ такому уловленію.

Тебѣ ужасны кажутся непреклонныя нравы человѣческія, умѣй такія нравы покорить своей волѣ, и старайся быть строгимъ Государемъ для злыхъ людей, которымъ власть и строгость служитъ обузданіемъ пагубнаго ихъ стремленія; а добрымъ будь отецъ: они тебя утѣшеніемъ своимъ имѣютъ, они

они тебѣ подпорой, честію и славою служатъ. На нихъ возложи свою довѣренность, ими окружи престолъ твой; тогда возсіяетъ истинна, изчезнутъ коварства, и благоденствіе по всему граду процвѣтать станетъ. Сколь не жалко наказывать злобу развращающую спокойство общества, столь утѣшно награждать достойнства; не безпокойся тѣмъ, что нѣкоторые люди подверженные твоему скипетру въ порокахъ погруженны, украшайся ты добродѣтелями и твой примѣръ многихъ привлечетъ ко прелестямъ сего душевнаго божества. Ты будешь свѣтильникомъ во тмѣ заблуждающагося общества, они ко твоимъ стезямъ приложатся и достигнутъ твоего и собственнаго щастія. Примѣръ Спуріевъ подтверждаетъ мое мнѣніе, онъ раскаялся, устыдился, пришелъ въ чувство и сталъ добродѣтеленъ. Его претвновеніе служило ему пользою, ибо нашелъ онъ чрезъ него слѣды истинны. Сколь скоро дѣйствуетъ правда въ сердцахъ человѣческихъ, когда безпристрастными устами она изрекаепся! Много Римлянъ подобныхъ Спурію и многіе

многіе подобны ему въ раскаяніи будутъ.

Ты приходишь въ отчаяніе, опасаясь обмановъ отъ своихъ Вельможей, есть удобныя средства узнавать истинныя ихъ склонности; изъ домовой и всегдашней жизни усматривай способности начальниковъ и правителей. Ибо тотъ, кто съ ближними жить не умѣетъ, начальствовать нигдѣ не можетъ; а тотъ еще меньше, кто свое отечество ненавидитъ.

Трудности, которыя предстоятъ владѣтелю, желающему здѣлать щастливымъ свое общество, больше славы его раченію приносятъ; отъ великой силы супротивной, побѣда громче становится. Воцариться на престолѣ просвѣщеннымъ народомъ окруженнымъ, пріятно; а грубый и въ невѣжествѣ утопающій народъ просвѣтить и здѣлать благополучнымъ, славно, удивительно и богоподобно. Теперь отворяется дарованіямъ твоимъ пространное поле, гдѣ къ пользѣ человѣческой, сіяніе ихъ распространиться можетъ. Подданные твои тебѣ будутъ дѣти, подъ

тѣнію

тѣнію праведныхъ твоихъ законовъ кроющіеся. Они познаютъ милость боговъ чрезъ твои руки на нихъ изліянную, и сердца ихъ воспламенятся чистою къ нимъ любовію; они будутъ воспѣвать имя твое, имя отца блаженства ихъ основавшаго; радость изъ глубины душъ ихъ на лица проліется. Духъ твой тишиною ихъ успокоится, дѣти ихъ будутъ послѣдовать отцамъ своимъ и любить Бога, правду и тебя. Потомки будутъ удивляться тебѣ, обожать имя и законы твои, и жалѣть, что не въ твое время они жили, или что ты не въ ихъ царствуешь.

Что же надлежитъ до твоихъ законовъ, то всуе будутъ они отъ тебя преданы народу, какъ бъ они благоразумны ни были, ежели напередъ Римскія сердца не привлечешь къ любви своего отечества, къ любви своего ближняго, и къ любви боговъ главнѣйшей добродѣтели человѣческой. Безъ того строгость законовъ будетъ ужасать ихъ, но не приведетъ къ настоящему оныхъ наблюденію, щедроты не будутъ привлекать сердецъ ихъ. Ни ясное толкова-

ніе

ніе законовъ, ни видимая польза, ни общее спокойствіе не учинятъ ихъ лутчими, ежели умы ихъ не будутъ пріуготовленны къ познанію истинны, а души добродѣтелью воспламененны не будутъ. Не вдругъ отъ цѣлаго общества такого исправленія ожидать можно. Море сіе непостоянно, и непокоривo. Но ежели не инако, то надлежитъ принудить ихъ быти щастливыми, хотя они и не предвидятъ сего.

Не распространяя далѣе сіе предусмотреніе, ежели хочешь Нума посѣять въ сердцахъ своихъ подданныхъ истинну, вкоренить добродѣтель, истребить злоупотребленіе, эдѣлай опытъ, учреди законы на естествѣ основанные. Можетъ быть увидишь вскорѣ возсіявшую правду, и узнаешь, что люди другъ другу невредны, но худые законы ихъ такими учиняютъ, а паче всего заблужденія, въ которыя ихъ ввергаютъ старающіеся. Природа лицепріятія не знаетъ и достоинства одни отмѣнно любитъ. Послѣдуй ей и награждай людей по достоинствамъ. Народъ увидя торжествующую истинну, ликующую добро-

добродѣтель и гонимые пороки, плѣнится заразами сихъ красотъ душевныхъ, и сколь пріятно будетъ имъ, видѣть награжденныя добродѣтели и почитать тѣхъ своими начальниками, которыхъ они отцовъ и дѣдовъ память ублажаютъ, и прежнія качества въ ихъ потомкахъ видятъ; сколько утѣшитъ ихъ ласковое и непритворное обхожденіе такихъ же Вельможъ, каковыхъ прежде и виду они трепетали, ибо честь имъ несвойственна была; какою благородною ревностію сердца ихъ возгорятся, когда увидятъ наконецъ сверстниковъ своихъ за добрыя дѣла преимуществами почтенныхъ и царствующую простоту подъ разными видами щастія.

Надлежитъ признаться, что пышность больше ослѣпляетъ непросвѣщенныхъ людей нежели простота. Но сіе то и вредно, что они ослѣпляемы должны быть, а не въ самой вещи понимать доброе и различать отъ худова. Сіе то ослѣпленіе всеобщимъ отчаяніемъ всякое общество окружаетъ, тьма носится передъ очами ихъ, ожесточаетъ

етъ сердца, омрачаетъ понятія, и не дѣлаетъ никого благополучнымъ.

Не пристойнѣе ли сіе чудовище, которое таковымъ злоупотребленіе быть осудило, по немногу пріучаетъ къ истинному свѣту, отнимая отъ глазъ его тотъ ложный свѣтильникъ, за которымъ устремляяся часто въ бездну погибели свергается и вредъ общей пользѣ приноситъ.

Такія предпріятія ежели основательное учрежденіе возъимѣютъ, никогда бѣдственнаго конца не получатъ; неслыхано еще, чтобъ провождаемыя стезями добродѣтели и получающіе руководство отъ самой истинны, на встрѣчающіеся имъ пріятные виды вознегодовали, или выводимые изъ тьмы на свѣтъ, предводителей своихъ губили. Но злые примѣры часто и подающимъ оные и слѣдующимъ за ними въ бѣдствіе обращались.

Можетъ быть есть такіе несогласные духи, которые сіе мнѣніе почтутъ вреднымъ; я не знаю иной пользы кромѣ той, что бы людей всѣхъ вообще

здѣлать

здѣлать щастливыми; а здѣлать ихъ таковыми инако не можно, какъ отнять всѣ предразсудки и злоупотребленія. На сихъ столпахъ должны законы основаться, ежели желать, чтобъ они втекли въ сердца человѣческія и учинили ихъ полезными самимъ себѣ, отечеству и Государю.

И такъ слышалъ ты, Нума, что есть Государь, и что есть законъ? Что надлежитъ до подробности законовъ, оставимъ до другаго времени; завтра пойдемъ на Авентинскую гору, тамъ услышишь то, что мнѣ говорить осталось.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возходящу солнцу на высоту небесную, Нума провождаемый Нимфою Егерою приходитъ на Авентинскую гору; когда они достигли верьшины оной, съ которыя видны дикія пространныя и терніемъ заглушенныя поля, лежащія вокругъ Рима, тогда Егера

сказала Нумѣ: Царь сея земли и народа! Простри свои взоры на безобразный видъ сея пустыни, и пожалѣй о небреженіи своихъ подданныхъ, незнающихъ или нехотящихъ знать своей пользы. Простри свои взоры на сіи мѣста безплодныя; здѣсь твои златыя руды, здѣсь твои камни драгоцѣнные; подъ сими корнями сплетенныхъ кустовъ заключаются всѣ твои сокровища, тебя и твой народъ обогатить могущія. На что вамъ такое земель пространство, такія мѣста выгодныя? Ежели вы пользоваться ими не хотите, вы похищаете у другихъ право землепашества, дабы самимъ не довольствоваться плодомъ отъ трудовъ своихъ.

Ежели вы надѣетесь на свое оружіе и на храбрость свою, чемъ обогатиться уповаете, то уступите сіи поля вашимъ сосѣдамъ, которые лутче ими владѣть умѣютъ. Довольствуйтесь одними хижинами, гдѣ для васъ и для оружія вашего довольно мѣста. Ненавидьте труды свойственные по природѣ человѣку. Гремите военнымъ оружіемъ, лейте кровь свою и ближнихъ

нихъ своихъ, и думайте, что вы человѣчество превозходите; но не возставайте противу самой природы и не лишайте ее правъ ей принадлежащихъ. Она украшаясь зелеными лугами, она разсыпая по полямъ цвѣты благоуханные, окруженна чистымъ воздухомъ, покоится между прозрачныхъ источниковъ вокругъ ее журчащихъ; среди всѣхъ полевыхъ пріятностей, она любя человѣческій родъ, призываетъ его, и говоритъ ему: чада изъ утробы моей изшедшія, для васъ я землю украшаю цвѣтами, для васъ лѣса пріятною зеленью покрываю, для васъ чистый воздухъ въ поляхъ разтворяю; придите, собирайте плоды мною вамъ приготовленные, теките ко мнѣ на пиръ не ради единаго дня, но ради всѣхъ временъ года вамъ поставленный; пиръ сей малымъ безпокойствомъ, полезнымъ трудомъ, но великимъ изобиліемъ и сладкимъ вожделѣніемъ кончится. Теките ко мнѣ, я вамъ отворяю свои нѣдра изобиліе приносящія за труды ваши. Такъ гласитъ природа, но вы словъ ея не внемлете, угощеніе презираете, и въ суетной

славѣ веселія и довольства ищете. Наконецъ вашей неблагодарностью и непослушаніемъ, ожесточается ея сердце, гласъ ея умолкнетъ, пріятности изчезнутъ и удалится она съ огорченнымъ видомъ, отъ полей и рощей ея желанію сопротивляющихся; тогда прекрасные луга въ дикую пустыню превратятся, мягкая трава въ густую осоку, благоуханные цвѣтки въ терновые кусты, ключи изсякнутъ, въ лѣсахъ ужасъ останется, тихое и роскошное царство природы минуется, и наступитъ страхъ, гладъ, скорби и отчаяніе. Римляне, Римляне! вы сими бѣдствіями человѣческаго рода окруженны. Вы отгнали свирѣпой и варварскою жизнію отъ жилищъ своихъ натуру. Не наслаждаетесь ея плодами, и думаете быть щастливы, похищая у другихъ, что они потомъ и трудами своими добываютъ, и за что природа ихъ щедро награждаетъ.

Гдѣ плугамъ по мягкимъ браздамъ проходить надлежало, гдѣ гласу работающихъ воловъ слышиму быти должно, гдѣ желтымъ класамъ по нивамъ раз-

разстилаться прилично ; тамъ слышенъ у васъ звукъ убивственныхъ оружій , тамъ ревъ звѣрей хищныхъ , тамъ кровь источниками протекаетъ. Окруженны дикими звѣрями , вы сами подобны имъ становитесь , и свóйства ихъ себѣ пріемлете. Ваша жизнь подобна жизни сихъ безразсудныхъ и хищныхъ тварей. Также какъ они , вы скрываясь вмѣсто лѣсовъ въ твердыя и глухія стѣны , хищеніемъ и грабежемъ пи́щу свою нахóдите , также вы свирѣпы и нежалостны. Думая учиниться побѣдоносными , вы здѣлались ужасными , кровожаждущими и при всемъ томъ тунеядцами. Вотъ плоды сего военнаго духа , который столь похвальнымъ вамъ кажется ; разбои супь его утѣха , и безчеловѣчіе пища.

О! Нума , добродѣтельный Нума , знаю , что сердце твое кровію обливается при воображеніи всѣхъ бѣдствій , всѣхъ несправедливостей и неустройствъ , которыя пагубная война влечетъ за собою. (*) Сіе громкое титло , сіе страш-

(*) Читая сію главу , надлежитъ предста-
влять въ своихъ мысляхъ Римскихъ воиновъ ,
больше

ное геройство, есть мечта живущая у людей гордыхъ, немиролюбивыхъ и немилосердыхъ. Правильная храбрость есть качество души добродѣтельной, которая не дозволяетъ никакому злу и никакому пристрастію обладать собою. Она почитаетъ себя защитою отечества, нужнымъ и необходимымъ орудіемъ противу супротивниковъ своихъ

больше варварами и грабителями, нежели защитниками отечества, и для того Егера описываетъ Нумѣ войну, столь бѣдственною и ужасною; она чрезъ такіе совѣты укрощаетъ пылкую страсть, обладающую сердцами Римлянъ воевать безъ причины и съ побѣжденными не имѣть жалости, человѣколюбія, а паче всего умѣренности. Не войну и не воиновъ она осуждаетъ, но погибельныя отъ нихъ слѣдствія и ложное о храбрости понятіе. А все сіе большимъ еще побужденіемъ для истинныхъ воиновъ, и для юношества ко пріобрѣтенію славы на войнахъ служить долженствуетъ. Ибо они суть защитники отечества, не ближнихъ своихъ жизни алчущіе, но для спасенія своего отечества, свою жизнь на жертву приносящіе. Такая храбрость заслуживаетъ истинный вѣнецъ славы, и есть паче добродѣтель нежели варварство.

ихъ и совершенствомъ силъ человѣческихъ, когда для общей пользы жертвовать ими должно. Таковы свойства истинной храбрости, а не суетной алканіе чести и славы, которыя суть преходящей дымъ. Грозный герой, сіе великолѣпное имя, есть пустой звукъ, слабыя сердца утѣшающій, ежели оно чрезъ погибель людей пріобрѣтается. Римляне, вы таковыми быть хотите, или уже и нынѣ стали; вы торжествуете и утѣшаетесь, когда чужіе плоды съ полей похитите, оставляя свои поля въ забвеніи и пустотѣ, чужія стада отнимаете, когда въ тучныхъ своихъ лугахъ своими довольствоваться безъ кровопролитія можете, и веселитесь погрубленными у сосѣдей корыстьми. Но вы не чувствуете, что вы веселитесь собственною вашей бѣдою.

Сія смертоносная язва, война, время отъ времени въ мысли ваши вкореняется, и представляетъ вамъ сіе упражненіе, сію всеобщую бѣду пріятною, отводя васъ отъ прямой человѣческой должности; ибо вы забываете слѣды благотворящія природы, устремляясь

мляясь только за тѣмъ, что въ ней ужаснѣйшаго представить можно; таковы плоды сей обольстившей сердца ваши славы. Вы ея тамъ ищете, гдѣ ее нѣтъ; слава народная отъ благоденственной, непорочной и безопасной жизни общества познаается; ибо слава есть ничто иное, какъ повторяемыя слова о совершенствѣ человѣческомъ. Не допускай же подданныхъ до предстоящей предъ ними пропасти; увѣщевай, проси, понуждай ихъ возвратиться ко своему пристанищу, ко своимъ сокровищамъ, къ симъ полямъ; раздѣли имъ сіи богатства щедрою природою вамъ дарованныя. Изторгни изъ варварскихъ рукъ ихъ смертоносные мечи, и вмѣсто ихъ раздай орудія земляныя, паче всѣхъ трудностей человѣкамъ приличныя. Пускай шлемы ихъ, стрѣлы и копья въ домахъ ихъ остаются, и лежатъ лаврами обвитые, доколѣ тѣми же крѣпкими мышцами при необходимости возпріяты будутъ. Полевое упражненіе не отнимет̀ъ у сердецъ ихъ храбрости, и военныхъ силъ не убавитъ, а крѣпости тѣлесныя умножитъ.

Что

Что свойственнѣе человѣку, грабить ли селеніе ближняго и похищать чужими трудами собранное имѣніе или удобрять землю? Взоры мудраго человѣка отъ беззаконнаго имѣнія отвращаются, и только одними произведеніями природы онъ утѣшается. Не должны служить намъ острыя орудія къ нашей погибели, они для полезнаго употребленія изобрѣтены. Но злоба человѣческая все во вредъ превратить хочетъ, плоды, трáвы, цвѣты и самые источники водъ, смертнымъ ядомъ она заражаетъ; все стало подозрительно, и наконецъ сами другъ другу они вредны стали. Самое искусство, самый разумъ въ общую погибель обращается. Натура вопіетъ, но зло не умолкаетъ.

Кому же сіе общее зло отвращать? кому утолить сію вкоренившуюся язву? Когда Государи, врачи болѣзней всенародныхъ, просвѣтители и избавители обществъ, пещися о томъ не станутъ; отъ васъ владѣтели, отъ васъ сама природа и весь человѣческій родъ спасенія своего, спокойства и благоденствія ожидаютъ. Вамъ вруче-

на полная власть укрощать наглости, удерживать буйства, изкоренять зло; просвѣщать и путемъ щастія вести своихъ подданныхъ; чего вы ожидаете, не упускайте ни времени ни случая, не отлагайте единыя минуты, народъ погибаетъ, и бѣдствіе умножается; подкрѣпляйте разрушающееся зданіе, доколѣ не совсѣмъ оно разсыпалось, тогда уже помощь ваша будетъ напрасна и стараніе поздно. Теперь спасайте подданныхъ своихъ.

Всѣ сіи рѣчи къ тебѣ клонятся, Нума; твои воины опершись на копья и на мечи свои, покрыты невредимою бронею съ ожесточеннымъ сердцемъ обращаютъ взоры на разныя страны и представляютъ въ гордыхъ мысляхъ своихъ: на какой народъ напасть, какой градъ раззорить; счисляютъ принесенныя въ домъ свои корысти, и не думая ни о трудахъ свойственныхъ имъ, ни о человѣчествѣ, ждутъ перваго звука оружейнаго, дабы устремиться на первое жилище варварству ихъ встрѣчающееся. О! Нума, военное упражненіе не всегда щастливо бываетъ; гладъ,

гладъ, болѣзни, междоусобства, суть язвы ихъ. Отчаяніе часто побѣжденныхъ побѣдителями дѣлало; ежели надежда ваша обманетъ васъ и щастіе перемѣнится, гдѣ ваши корысти остануться; заключась во свои стѣны среди дикихъ степей, откуда пропитаніе свое получите? Бѣдствіе паче войны послѣдуетъ, и тысячи горестей на главы ваши обратятся. Враги ваши порадуются вашей погибели, и почитая васъ за людей жестокихъ и кровоненасытныхъ, ни помощи ни убѣжища не дадутъ вамъ.

Нума, или не можно быть храбрымъ человѣкомъ, не испытывая онаго чрезъ войны беззаконныя? Или мирное житіе есть образъ слабости человѣческой, или неудобно здѣлаться неробкимъ и почтеннымъ между своими сосѣдами, не разрушая ихъ жилищъ, не похищая ихъ имѣній, не терзая младенцовъ, не обагряя рукъ своихъ во крови женъ и дѣвицъ, и не убивая своего ближняго. Всегда мы хотимъ ради единой ложной славы, чрезъ погибель другихъ искать своей чести и славы. Но все

сіе

сіе блистаніе, весь громкій слухъ побѣдъ вашихъ не сто́ятъ единаго дня тѣхъ временъ, которыя въ сладкой тишинѣ протекаютъ; народъ въ благополучномъ спокойствіи живущій и правду хранящій, многими типлами почтительнѣе народа ва́рварскаго и грубаго, гдѣ ни добродѣтель, ни истинна неизвѣстны, или ко безразсудному кровопролитію относятся. Къ общей погибели немало таковыхъ.

Но ты, Нума, неослѣпленный сіяніемъ сего ложнаго свѣта, который во тьмѣ только блистаетъ и ради сего прельщаетъ одни мрачные умы. Ты чувствуешь, что можно учинить народъ, себя и государство славнымъ, не похищая чужаго. А дабы твой народъ не погружался въ праздности, сіи поля̀ да будутъ ихъ упражненіемъ и корыстью, а законы твои ихъ славою; преврати дикія пустыни въ изобильныя поля̀, преврати звѣрскія сердца̀ своихъ подданныхъ въ человѣческія, и будешь любезенъ богамъ и людямъ.

Нума со глубокимъ молчаніемъ внималъ словамъ Нимфы Егеры, и совѣты

вѣты ея въ сердцѣ его впечатливались. Я долженъ приступить къ сему, говорилъ онъ, чувствую, что таковое упражненіе и съ моимъ духомъ и съ человѣчествомъ свойственѣе всѣхъ блистательныхъ побѣдъ и военнаго безпокойства. Пойдемъ божественная Нимфа приготовлять народъ къ сему великому и полезному дѣлу.

Сошедъ съ горы Авентинской, продолжали они путь свои ко стѣнамъ Римскимъ, бесѣдуя о многихъ средствахъ, которыя надлежало предпріять для установленія новыхъ законовъ. Когда приближились они ко вратамъ Комелейскимъ, то Нимфа сказала Нумѣ, здѣсь представится тебѣ новое зрѣлище злоупотребленія человѣческаго. Тогда входятъ они во врата, гдѣ плачевный услышали гласъ смѣшенный съ нѣкоторымъ стукомъ; Нума чувствуетъ, что все сіе происходитъ въ нѣдрахъ земли. Удивленіе его было немало, какъ увидѣлъ онъ въ одной сторонѣ воротъ небольшую желѣзную дверь многими каменьями заложенную, которыя отъ времени уже развалились; въ

сей

сей двери было здѣлано небольшое отверстіе, чрезъ которое слышимый вопль чувствительнѣе раздавался. Тогда разметавъ каменья, подняли они опущенную на цепяхъ желѣзныхъ дверь; входятъ съ Егерою во внутренность земли; окружающая Нуму тьма наводитъ на него родъ нѣкотораго ужаса всѣмъ человѣкамъ свойственнаго. Наконецъ слѣдуя за Нимфою видитъ вдали слабый свѣтъ, на который шествуютъ ужѐ безъ опасенія; продолжая путь вступили они въ пещеру, которая была освѣщаема горящею на столѣ лампадою; подлѣ оной увидѣли стоящую на колѣнахъ женщину; бѣлыя ея одежды, блѣдное лице, которое отъ происходящаго свѣта еще блѣднѣе казалось, и власы растрепанные представляли ее больше привидѣніемъ нежели человѣкомъ; тѣло ея къ костямъ приросло, но черты лицà ея остатки совершенной красоты изображали; прижавъ ко грудямъ своимъ руки, она проливала горькія слѐзы и рыданіями грудь ея воздымалась. Духъ ли ты? или человѣкъ? за беззаконіе на казнь осужденный? спрашивалъ у ней Нума.

Оставь-

Оставьте меня умереть въ покоѣ, отвѣчала женщина, не взирая на пришедшихъ; мы тебѣ зла не хотимъ, говорилъ Нума, но кто ты? Заключенная, по сихъ словахъ обратилась на Нуму; тогда глаза ея вдругъ огненными здѣлались; вся затрепетала, повергласъ къ ихъ ногамъ и вскричавъ, о! жестокій родитель, пришла въ безпамятство.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Жалость, любопытство и человѣколюбіе принудили Нуму подать помощь нещастной женщинѣ. Когда пришла она въ чувство и въ прежнюю память, тогда Нимфа говорила ей: не родителя своего ты видишь, сей предстоящій есть Царь народа Римскаго Нума, который желаетъ знать вину твоего заключенія. Увы! я сама ее не знаю, отвѣчала женщина. Я есмь нещастная жертва родительскаго гнѣва и люшой измѣны своего роднаго брата.

Я

Я Весталка, (*) оклеветанная своими ближними неизвѣстнымъ мнѣ преступленіемъ. Но ежели Государь Римскаго народа желаетъ знать мою повѣсть, то сколь мнѣ ни тягостно сіе повѣствованіе, я разскажу ему оное, для того единаго, дабы такъ какъ Государь обязанный наблюдать правосудіе, не пренебрегъ онаго въ подобныхъ моихъ приключеніяхъ и стараясь наказать беззаконія, не нарушалъ истины, у единаго престола послѣднее себѣ убѣжище находящей. Но я нещастная нигдѣ ее не обрѣтая и тамъ найти не могла. О! злость человѣческая, куда и на кого ты не простираешся!

Можетъ быть, вы знали или знаете двухъ Вельможъ Римскихъ Суллія и Кассія. Я дочь Кассіева, вѣрная дружба двухъ Вельможей соединила наши домы

(*) Нуму почитаютъ установителемъ Весталскаго общества, потому что онъ привелъ оный въ порядокъ, и учредилъ число ихъ и законы для Весталокъ; однако они еще до него были у Латиновъ. Смотри Ешардовой Римской Исторіи Томъ I. и жизни славныхъ мужей въ Шофенѣ.

домы такимъ неразрывнымъ союзомъ, что они за одинъ почитались; Кассій имѣлъ сына немногими годами старѣе меня, красота сего отрока была совершенна, а поступки безпримѣрны. Наше обхожденіе въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ учинилось намъ пріятнымъ; изъ него произтекла дружба, а изъ дружбы любовь. Сія чистая любовь не представляя намъ порочныхъ видовъ, расла и воспитывалась вмѣстѣ съ нами; родители наши утѣшались невинными, но жаркими нашими разговорами; рано воспаленная любовь часто бѣдственною бываетъ, и сладкія минуты двухъ молодыхъ любовниковъ въ горькія слёзы обращаются, сіе сама собою я испытала. Ничто не мѣшало сердцамъ нашимъ пріятною надеждою утѣшаться, и тишины любезныхъ дней нашихъ ничто не тревожило. Но самая сія тишина ужасную бурю намъ приготовляла.

Я имѣла брата равнолѣтнаго моему любителю, который въ чужестранныя училища посланъ былъ; сей братъ возвратился —— О! проклятый день, который освѣтилъ его передъ очами мо-

ими ; память о семъ беззаконномъ братѣ еще и нынѣ сердце мое терзаетъ. Да не славятся гордые учители пользою отъ ихъ наукъ произходящею ; всѣ втунѣ будетъ, все потеряется и въ бо́льшей вредъ обратится, ежели сердце и мысли добродѣтелями и нѣжными чувствами отъ природы не украшены ; мой лютый братъ тому доказательство. Онъ возвратился и первое стараніе его было сыскать мою дружбу, а пото́мъ и моего любовника. Увы! можетъ ли злый и коварный человѣкъ быти кому другомъ, но мы были молоды; свидѣтель нашихъ невинныхъ увеселеній, казалось, умножитъ сладость ихъ и щастливой жизни нашей, такъ всѣ люди разсуждаютъ, и мы также обманулись, ибо наша довѣренность здѣлалась намъ пагубною.

Сей лютый братъ вознегодовалъ на благополучіе наше; злые люди обыкновенно ненавидятъ щастливыхъ и добродѣтельныхъ людей; они на то одно ищутъ дружбы, дабы удобнѣе совершить пагубныя свои намѣренія, сыскавъ отъ насъ довѣренность. Сей ва́рваръ имѣлъ

всѣ

всѣ худыя склонности, какія безразсуд-
ная и непостоянная молодость имѣть
можетъ. Наша бесѣда ему скучною ка-
залась, забавы наши противны, нако-
нецъ и невинное обхожденіе подозри-
тельно; онъ часто требовалъ, чтобъ
молодый Кассій раздѣлялъ съ нимъ
время а не со мною, и былъ участни-
комъ его роскошей. Любовь, честность
и скромность не позволяли моему лю-
бителю слѣдовать гнуснымъ и непри-
стойнымъ желаніямъ моего брата, онъ
увѣщевалъ его, а сіи увѣщанія про-
извели въ немъ скрытую вражду и пер-
вую напасть нашу. Братъ мой началъ
препятствовать нашему свиданію, от-
влекая или его или меня отъ удобна-
го для насъ времени, прикрывалъ онъ
свою злобу благопристойностію. Ахъ!
есть ли что противнѣе благопристой-
ности, мучить два горящія сердца, и
питати въ мысляхъ своихъ пагубныя
намѣренія; я жаловалась, онъ не вни-
малъ моимъ словамъ; я плакала, онъ
утѣшался моими слезами; я просила,
онъ презиралъ мои прозьбы. При сихъ
горестныхъ обстоятельствахъ, лиши-
лась я своей матери, а съ нею и всего

моего спокойства. Отецъ мой уже былъ въ лѣтахъ; братъ мой казался ему достойнымъ возобновителемъ его рода, и наконецъ здѣлался самовластнымъ въ нашемъ домѣ. Страждетъ полъ нашъ, когда отъ молодыхъ и непостоянныхъ сродниковъ зависитъ. Со мною всѣ напасти чрезъ то возпослѣдовали; я не только злобному моему брату стала ненавистна, но и въ тягость уже ему казалась.

Думаю, что жадность его ко имѣнію, злобѣ его содѣйствовала, и не знаю по его ли наученію или по другимъ приключеніямъ, между нашими съ любовникомъ родителями произошла ссора и всю нашу погибель совершила. Я ничего о приготовляемомъ намъ ударѣ не знала; но предвѣстники напастей горькія слезы изъ глазъ моихъ катились, и сердце мое неизвѣстною еще мнѣ горестію повсеминутно стѣснялось. Въ такомъ состояніи проводила я уединенныя свои минуты, когда можетъ быть любезный Кассій не меньше моего мучился разлучаясь на вѣкъ со мною.

Ліющей

Лiющей мнѣ горькiя слéзы вдругъ предстaвился мой родитель съ бра-томъ моимъ; холодный видъ ихъ и неспокойныя рѣчи тотчасъ потрево-жили кровь мою. Но увы! что по-тóмъ послѣдовало. Не бойся присуд-ствiя нашего, отецъ говорилъ мнѣ, я знаю всѣ твои склонности и твои на-мѣренiя; но ты еще молода и совер-шеннаго своего благополучiя не знаешь. Я удивленными глазами на нихъ взира-ла, но сiе удивленiе въ страхъ превра-тилось; какъ я услышала сiи слова: любез-ная дочь, не страшись моихъ словъ, они щастiе твое тебѣ возвѣщаютъ, ты дол-жна скоро перемѣнить свое состоянiе и принять чинъ Весталыкiй, мы съ ма-терью при твоемъ рожденiи богамъ сiе завѣщанiе учинили, и отмѣнить его не можемъ. Не успѣлъ онъ договорить сихъ ужасныхъ словъ, какъ я безчув-ственна предъ нимъ упала.

Я ужѐ опомнилась лежащая въ ложѣ своемъ; слéзы мои умножились. Увы! я возопила, родители мои завѣщались принесть меня въ жертву слабости и суевѣрiю своему; передъ богами они кля-

лись тѣмъ; какъ боги приняли ихъ обѣщанія, и громъ не ударилъ въ отвѣтъ на сіи бѣдственныя приношенія! О! любезный Кассій, гдѣ ты! гдѣ! прили и вырви меня изъ рукъ моихъ мучителей, или приди простерть ру́ки свои ко мнѣ, да кончимъ плачевный вѣкъ нашъ другъ у друга въ объятіяхъ.

Но ни сле́зы, ни жалобы мои не служили помощію къ моему избавленію; однимъ словомъ, я была принуждена исполнить волю родителей моихъ и дать клятву на Вестальскій чинъ. Отъ искренняго ли се́рдца клятвы сіи происходили? Боги вы тому свидѣтели! и ежели нѣтъ, для чего сей священный огнь не возгорѣлся, и не превратилъ меня въ прахъ передъ олтаремъ богини.

Мучащееся сердце неизчисленными горестями предъ жертвенникъ я несла; глаза̀ мои въ самомъ храмѣ ничего иного не встрѣчали кромѣ возлюбленнаго Кассіева вида; слова̀ и молитвы мои тяжкими воздыханіями пресѣкались; мысли мои заняты были сладкимъ, но мучительнымъ мечтаніемъ о моемъ любите-

любитель; въ такомъ состоянiи я вступила въ противный чинъ мой. Но добродѣтель паче всѣхъ страстей обладавшая моимъ сердцемъ, утолила сражающiяся въ немъ повсеминутно чувства; любовная слабость по немногу удалялась отъ него, уступая мѣсто горестямъ, отчаянiю и жалости, которыя навсегда погруженны въ груди моей остались.

Я ужѐ привыкала къ бѣдственному состоянiю моему и прiучалась скрывать свои вздохи во глубинѣ сéрдца моего. Ужѐ я начинала опять свѣту являться и терпѣть его; годъ я была въ такомъ невольномъ страданiи. Между тѣмъ братъ мой больше прежняго, влеченiю склонностей своихъ слѣдовалъ; ужѐ неистовыя дѣлà его моему родителю извѣстны стали; ужѐ онъ разкаялся о строгомъ поступкѣ со мною учиненномъ; оплакивалъ мое состоянiе и жалѣлъ, что съ Кассiемъ разлучилъ меня, можетъ быть завѣщанiе его одинъ вымыселъ былъ.

Развращенныя склонности моего брата, который не внималъ ни ихъ ни друзей своихъ увѣщаніямъ, до того раздражили родителя, что онъ угрожалъ его лишить права наслѣдства и отдать все имѣніе мнѣ; вамъ извѣстно, что нашъ чинъ можетъ наслѣдства требовать. Но сіе самое новыя и злѣйшія бѣды мнѣ причинило.

Нещастный мой любовникъ искалъ разныхъ случаевъ говорить со мною; но я зная сколь подозрительно для меня было съ нимъ обхожденіе, всегда отъ того убѣгала. Сей вѣрный любитель, ахъ! на что онъ любилъ меня такъ много, искалъ наконецъ дружества съ моимъ братомъ, дабы его руководствомъ имѣть свиданіе со мною. Отчаянные любители на всѣ опасности стремятся; брату моему ничто такъ пріятно не было какъ довѣренность Касіева. Но сколько разъ сей злой человѣкъ не приводилъ его ко мнѣ, я не хотѣла ихъ видѣть а паче вмѣстѣ. Увы! Есть ли лютому человѣку препятствіе исполнить вредныя свои намѣренія, когда пользу свою въ томъ находитъ

ходитъ онъ? Скоро удобный случай къ тому представился. Боги! какъ вы стерпѣли такое злодѣйство и не наказали преступника?

Въ нѣкоторый жаркій день уединилась я въ саду своего родителя и тамъ подъ густыми древесами прохаживалась. Вдругъ неизвѣстная сердцу моему горесть необыкновенно его возтревожила; успокоить свои возмущенныя чувства, удалилась я въ одну пещеру, и вообразя всѣ мои бѣдства, пролила тамо источники слезъ; какъ вдругъ вошли въ мою пещеру братъ мой, провождаемый Кассіемъ. Я вскричала, братъ мой выбѣжалъ вонъ и заперъ двери, встревоженный Кассій бросился ко мнѣ на колѣна и орошая мои ру́ки слезами пропиву силъ моихъ цѣловалъ ихъ. Я признаюсь вамъ, что я еще его любила, но пламень се́рдца моего былъ чище нежели хранимый нами огнь священный, о! богиня тебѣ то извѣстно. Однако зная важность моего чина, а паче ненависть моего брата, хотѣла я убѣжать; но но́ги мои мнѣ измѣняли; они тряслись, взоръ

мой мѣшался; любовникъ мой не переставалъ рыдать и цѣловать мои рукы; я не могла слова промолвить, и находящимся въ семъ волненіи вообразите какое зрѣлище вдругъ предстало.

Отецъ мой провождаемый многими Вельможами и священноначальниками, вдругъ отворилъ двери и вошелъ въ пещеру, братъ мой вскричалъ: вотъ они! отецъ мой затрепеталъ; о! беззаконіе, всѣ возопіяли! Я не помнила что я дѣлала; бросалась, рвалась, но увы! что я увидѣла! Любовникъ въ глазахъ моихъ на части былъ разтерзанъ! Я отвлеченна отъ его тѣла какъ преступница и беззаконница, и наконецъ ввержена въ сію темницу (*). Увы! цѣлый годъ уже протекъ, какъ я оплакиваю моего невиннаго любовника, и похищенное спокойство съ моею вольностію. Годъ уже тому какъ я рвусь, не

(*) О наказаніи Весталокъ въ случаѣ ихъ преступленія, пространно писано въ Римской Исторіи у Ролена. Но еще ясняе о томъ говоритъ Шофенъ въ книгѣ о жизни славныхъ мужей.

не вижу свѣта, кляну̀ день моего рожденія и каждую минуту бѣдспівенной жизни моей. О! Нума, ежели ты подлинно Государь Римскаго народа; послѣдней милости прошу отъ тебя: отними жизнь мою и учини конецъ моимъ погибелямъ. По сихъ словахъ она возрыдала и бросилась къ его ногамъ.

Нума, имѣя жалостію пронзенное сердце, поднялъ Весталку, и говорилъ ей: Нума никогда не будетъ мучителемъ и врагомъ невинности; востань, отнынѣ ты свободна! Они старались съ Нимфою вывесть сію заключенную изъ темницы; но только на чистый воздухъ они вышли и едва глаза она отворила, темный облакъ зрѣніе ея покрываетъ, колѣна подъ ней задрожали, и упала она мертва въ ихъ ру́ки.

Тогда принуждены были отнесть ее въ прежнюю темницу, и затворя двери удалиться отъ сего плачевнаго мѣста.

Идучи ко дворцу Нума говорилъ Егерѣ: коль плачевно состояніе сей дѣвицы, ежели все такъ происходило, какъ

какъ мы отъ нее слышали. Не сумнѣвайся ни о чемъ, отвѣчала Нимфа, сія Весталка ни въ чемъ невинна, злодѣи ее безчеловѣчны, а судіи суевѣрны и злобны были.

Я весьма довольна сею встрѣчею продолжала Нимфа. Оно отворитъ намъ пространное поле къ полезнымъ разсужденіямъ. Ты слышалъ Нума плачевное повѣствованіе сей Весталки; несправедливость ей оказанная привела тебя въ ужасъ, а горестное ея состояніе въ жалость. Я не сумнѣваюсь, что мыслямъ твоимъ и теперь еще представляется: вѣроломство недостойнаго ея брата, неумѣренный и неосновательный гнѣвъ ея родителя, безвинно разтерзанный любовникъ, легковѣріе и жестокость судей, и мучительное заключеніе прекрасной дѣвицы. Все сіе вмѣстѣ соединясь, потрясло твое сердце, потому что оно добродѣтельно, и мысли твои тревожатся отъ единаго воображенія горестныхъ таковыхъ обстоятельствъ.

Вотъ каково злоупотребленіе законовъ, вотъ источники общей погибели,

бели, о которыхъ мы говорили съ тобою на Авентинскомъ по́лѣ, и вотъ польза отъ ложнаго благочестія производящая. Случай, нужда, суевѣріе и гордость почти обыкновенно побудителями такихъ установленій бываютъ и во обществѣ общество чрезъ то учреждается. Наконецъ таковое идольскихъ капищъ учрежденіе, которому мрачное суевѣріе основателемъ было, становится почтеннымъ въ мысляхъ его изобрѣтателей. Потомъ учинится важнымъ, священнымъ и напослѣдокъ страшнымъ. Тунеядцы прибѣгнутъ подъ тѣнь обиталища праздности; обманъ и притворное смиреніе здѣлаются ихъ оградою; приступъ къ оному становится важнымъ; и что иногда для общей пользы установляется, то сѣтьми честности и невинности бываетъ.

Тогда раздраженные отцы на дѣтей своихъ, подъ видомъ кротости и ободряемые лицемѣріемъ, приносятъ въ жертву не благочестію но обманамъ кровь свою. Грѣхъ сей получитъ видъ святости, а безчеловѣчіе угожденіемъ вымышленному божеству становится.

Не

Не говорю я о такихъ храмахъ, о такихъ установленіяхъ, которыя одинъ видъ благодарности и любви къ богамъ имѣютъ; какъ они ни рѣдки, но достойны вниманія и почтенія добродѣтельныхъ людей; ибо на нихъ зиждется и въ нихъ сохраняется общей союзъ и благоденствіе. Праздность, легкомысліе и нечеловѣколюбіе въ такія учрежденія не мѣшаются. Они кроткія сердца и непорочныя души основателями своими имѣютъ, а трудолюбіе, воздержность, и любовь къ ближнимъ оградою и своимъ утѣшеніемъ.

Но сіе общество, подъ именемъ Весталокъ слывущее, сія строгая темница, сія бездна для дѣвицъ непорочныхъ поставляемая и лютымъ суевѣріемъ въ самой темной древности изобрѣтенная, или совсѣмъ уничтожена или исправлена быть должна. Застарѣлые обычаи не вдругъ изкоренить можно; но отсѣкая густыя вѣтьви сего отнимающаго свѣтъ дрéва, можно здѣлать изъ вреднаго нѣчто полезное.

Предоставляю, Нума, твоему благоразсужденію, изправить, или изтре-

бить

бить таковые непорядки въ твое общество втѣснившіеся и суевѣріемъ подкрѣпленные. Ежели не разсудишь за полезное уничтожить ихъ, по крайности пресѣки путь коварству, злобѣ, неистовству и грубости подъ ихъ покровъ собираться, и наносить общей вредъ человѣкамъ. Отними средство у родителей, пользоватися правомъ тиранской власти и пресѣки злоключенія на безвинныхъ чадъ обращаемыя. Сколь далеко воля отцовъ надъ ихъ дѣтьми простираться должна, почерпни сіи законы изъ чистаго естества, непрестанно сердцамъ вашимъ говорящаго: любѝте ближнихъ! кто ближе родителямъ, ежели не чада ихъ.

Тако разсуждая пришли они въ царскій домъ. Нимфа говорила Нумѣ, ежели моя бесѣда тебѣ еще нескучна, завтра въ Юпитеровомъ храмѣ найдешь меня. Еще нѣчто говорить намъ осталось; но мало ты услышать отъ меня можешь: ибо Государямъ довольно совѣтовъ подавать не можно.

ГЛАВА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Храмъ Юпитеровъ былъ воздвигнутъ на горѣ Капитолинской; при началѣ Рима посвятилъ его Ромулъ богу прибѣжища (*); къ сему храму притекали люди изъ разныхъ народовъ, желающіе въ Римѣ поселиться. Но по замиреніи съ Таціемъ Царемъ Сабинскимъ, Ромулъ уничтожилъ сіе божество и нарекъ Юпитеровымъ храмомъ. (**)

Нума жаждущій сладкія бесѣды Нимфы Егеры, оставляетъ царскія чертоги и спѣшитъ во храмъ Юпитеровъ. Уже Нимфа стоящая предъ олтаремъ молніеноснаго бога давно ожидала присутствія Нумы; едва приступилъ онъ ко благоуханному олтарю, предъ Сатурновымъ сыномъ поставленному, повергся на колѣна, и сложа царскій вѣнецъ со главы своей приносилъ искренія моленія. Что ты чувствуешь, вопрошала Нимфа, видя сіе изображеніе? Не-

---

(*) Azileum.

(**) Діонисій Аликарнасскій и Плутархъ.

Неизреченное почтеніе къ сему божеству отцу боговъ и человѣковъ, отвѣчалъ Нума. Не къ божеству, вскричала Нимфа! но къ дѣлу рукъ человѣческихъ. Нума, ежели въ семъ истуканѣ воображаешь ты настоящаго Создателя вселенныя, объемлющаго безконечное число и пространство міровъ; то сколь тѣсныя границы полагаешь величеству и силѣ его; коль мало раздѣляешь, или совсѣмъ ничего, твореніе отъ Творца; привыкнувъ къ таковымъ неосновательнымъ и слабымъ мечтаніямъ вы уподобляете Бога своему несовершенству, и принуждаете его зависѣть частію отъ вашей воли, частію отъ слѣпоты вашей. Ежели тебѣ мечтается въ неодушевленномъ семъ камнѣ истинный Творецъ и Царь міра, то сколь мрачное понятіе о существѣ его вы имѣете. Создавшій свѣтъ въ темныхъ ли вертепахъ и храмахъ присудствовати можетъ? Оживляющій всякое твореніе, самъ ли бездыханенъ быти долженъ? Дающій разумъ и понятія человѣкамъ, изъ нечувственныхъ ли вещей составляется? подавшій быстрое пареніе орлу, одушевляющій каждую былинку, возно-

сящій кедры, движущій моря, потря-
сающій го́ры; самъ ли недвижимъ и
безгласенъ бываетъ? И сіе ли подобіе
непостижимаго духа весь міръ ожи-
вотворяющаго? Поняли вы могущество
своего Создателя и видъ тлѣннаго су-
щества ему опредѣлили. Невѣжество и
гордость два пространные источника,
въ которыхъ разумъ человѣческій по-
гружается, началомъ таковыхъ мнѣ-
ній обыкновенно бываютъ; размышле-
нія ваши повсюду находятъ преткно-
венія, когда они изъ предѣловъ своихъ
выходятъ или чувствамъ своимъ по-
виноваться не хотятъ. Мракъ не
оставляетъ ваши мысли; когда прибы-
токъ, обманъ и самолюбіе въ виду
своемъ имѣютъ. Отъ того произошли
ложныя божества, непристойный об-
разъ имѣющія. Суевѣріе умствуетъ, а
истинна отъ очей вашихъ скрывается
(*); вы ищете свѣта обращаясь ко тьмѣ,

въ

(*) Мнѣніе Егерино о почитаніи идоловъ, воспріятое потомъ Нумою, можетъ быть покажется сумнительнымъ для нѣкоторыхъ привязчивыхъ читателей. Но вотъ что говоритъ о томъ послѣдуя древнимъ писа-

въ ней погруженны встрѣчаете пустыя привидѣнія, страхи и боязни, видъ справедливости на себя пріемлющія; за ними вы слѣдуете и приведенны заблужденіемъ своимъ въ трепетъ, повергаетесъ передъ мечтаніями на колѣна для своего спасенія.

Не должны ли мы, сказалъ Нума, для всегдашняго напамятованія намъ божества щедраго, человѣколюбиваго и благотворящаго имѣти кумировъ передъ собою; ежели отнять отъ очей нашихъ сіи священные лики, то вскорѣ удален-

писателямъ, сочинитель Римской Исторіи на Аглинскомъ языкѣ Ешарлъ Томъ I. *Нума толкопаль: что начало, дапшее бытіе каждой тпари, есть непостижимо, что оно есть нешидимо, безсмертно, и неподпержено никакимъ перемѣнамъ; утпердясь пъ такомъ разсуждени, запретиль онъ изображать божество подъ тѣлесными пидами и постаплять по храмахъ идолопъ. Что Римляне наблюдали больше ста семидесяти лѣтъ, и потомъ пъ несмысленное и многообразное идолопоклонство пперглись.* Послѣ сего не можно почесть сей разговоръ вымысломъ; а еще меньше тому, что говорено о Нумѣ, придавати другое толкованіе и смѣшивать ложъ со истинною.

ное отъ зрѣнія божество уйдетъ изъ памяти; потомъ изъ сердецъ изтребится, и необузданныя чувства человѣческія на общую погибелъ устремятся. Скажи мнѣ, Егера, оскорбляемъ ли мы божество, изображая оное въ семъ видѣ, ибо другаго образа ему не знаемъ, и придавать не смѣемъ.

На сіе Нимфа тако: ежели вы не знаете другаго, то для чего сей образъ божеству приписываете? Взгляни на камень сей недавно въ сердцѣ твердыхъ горъ лежащій, взгляни на черты лица сего, искусствомъ рукъ человѣческихъ изображенныя, на сіе злато, на сіи тлѣнныя убранства; взгляни и разсуди, сіе ли сотворило небо, землю и тебя.

О! Нума обожать камни изображающіе вамъ вашихъ боговъ подъ видомъ разныхъ тварей, то умалять существо ихъ и славу. Ты повергаясь передъ симъ кумиромъ, думалъ принесть-благодарность божеству сотворившему тебя; будто глаза твои Бога твоего нигдѣ встрѣтить не могутъ, какъ въ семъ изсѣченномъ истуканѣ. Будто здѣсь непостижимое существо о себѣ

себѣ напамятываетъ вамъ, и забвеніе твое о немъ предъ симъ изображеніемъ изчезаетъ. Но ты приходя къ сему капищу, былъ освѣщаемъ солнцемъ надъ тобою горящимъ; для чего не сталъ ты на колѣна, и не принесъ благодарности Всевышнему, что очи твои его твореніе при солнечныхъ лучахъ видятъ? Ты шелъ по землѣ питающей всѣхъ человѣковъ; для чего не приникъ ты къ оной, и лобызая ее не сказалъ ей: тобою познаю щедроту Бога моего къ себѣ? Для чего, повторяю, не каждая былинка, не всякое малѣйшее бытіе, напамятовало тебѣ о величествѣ твоего Творца, ибо они суть такое же твореніе. Для чего сей безмолвный и хладный камень долженъ тебя приводить въ чувство и возвѣстить тебѣ то, чемъ ты богамъ обязанъ? не мракъ ли и невѣжество сему причиною были, ты на всякомъ мѣстѣ встрѣчая своего Создателя, только въ семъ мрачномъ капищѣ на память его приводишь, и твари качество Творца приписываешъ.

Вѣрю, Нума, что ты общимъ заблужденіямъ не слѣдуешь; ты Философъ

и въ сердцѣ твоемъ хранишь любовь къ богамъ своимъ; обыкновеніе, а паче должность обязываютъ тебя послѣдовать иногда въ коренившемуся заблужденію. Вѣрю, что ты и безъ мраморныхъ истукановъ помнишь своего Создателя, почитаешь его, и благодаришь за излiянныя имъ на тебя щедроты, за жизнь тебѣ дарованную. Тако всѣ добродѣтельные, справедливые и мудрые люди разсуждать должны; человѣкъ незнающій Бога или нечувствующій его благодати въ сердцѣ своемъ, люттѣе хищнаго звѣря. Сей извергъ природы недостоинъ въ обществѣ участія имѣть; ибо не зная Бога, и правилъ честности знать не можетъ. Онъ возмутитъ общее спокойствіе, и наподобіе смертоноснаго яда, все, до чего ни коснется, заражаетъ.

Ты разсуждаешь: что отнявъ изображенія боговъ отъ зрѣнія человѣческаго, отъ сердецъ ихъ отнимешь оныя; конечно отнимешь, ежели толковать имъ не перестанутъ, что сіи истуканы суть боги ихъ, что они сотворили мiръ, что они управляютъ дѣлами человѣческими. Мысли, сердца

сердца и взоры ихъ, далѣ не будутъ простираться, какъ до сихъ изображеній. Очи ихъ, отвлеченны отъ сіянія небеснаго, представляющаго величество Божіе, будутъ устремленны къ симъ лимъ; усердіе ихъ, пошухнувъ къ божеству міръ весь основавшему и украсившему, ко здѣшнимъ тлѣннымъ вещамъ возгорится; сердца ихъ не спрашась Бога всевидца, предъ сими камнями трепетать и почитать ихъ будутъ. Неутоляющаяся злоба и грѣхи въ душахъ порочныхъ человѣковъ будутъ отдыхать на краткое время, когда они предстоятъ мнимому божеству сему.

Коль часто мы видали людей зараженныхъ пороками, прибѣгающихъ со страхомъ во святые храмы, предстоящихъ во слезахъ лицу боговъ нечувственныхъ, приносящихъ великія жертвы для укрощенія гнѣва ихъ, о которомъ вѣщаетъ имъ собственная ихъ совѣсть, что нѣкогда на нихъ пролѣется. Сколь много такихъ по виду богобоязненныхъ людей мы видали; но увы! съ молитвеннымъ бдѣніемъ разкаяніе ихъ проходитъ, и вновь своимъ поро-

порокамъ они предаются. Такое богопротивное лицемѣрство есть образъ купли, между закономъ и грѣхомъ установленной; нѣсколько проліянныхъ слезъ даютъ право у невинныхъ людей извлекать слёзы, обильныя жертвы разрѣшаютъ на похищеніе чужаго имѣнія, и принесенныя похвалы богамъ, позволяютъ злословію на ближнихъ своихъ простираться. Тако злобные люди думаютъ, или не думая въ свѣтѣ семъ обращаются, храмы для нихъ здѣлались прибѣжищемъ отъ зла къ добру, и возвратнымъ путемъ на неистовства; ихъ чувства временное разкаяніе признаютъ очищеніемъ отъ мерзскихъ дѣлъ своихъ и нечистосердечныя молитвы учинились образомъ дани за многія ихъ преступленія. Суевѣріе, корысть, невѣжество, злоба и притворство есть душа сего закона.

Разторгнемъ сію завѣсу покрывающую заблужденія пороками препутанныя; войдемъ въ темное капище, гдѣ ложная добродѣтель ложнымъ свѣтомъ своимъ привлекаетъ къ себѣ слабые разсудки, и сама себѣ противорѣча проповѣ-

повѣдуетъ о благочестіи, о кротости и смиреніи; тамъ откроются пути красными цвѣтами, при началѣ усыпанные, напослѣдокъ къ погибели васъ ведущіе; тамъ увидимъ обманъ пріемлющій видъ истинны, и къ беззаконію васъ привлекающій. Уста наполненныя сладостію и миролюбіемъ, а сердца кипящія гнѣвомъ и любостяжаніемъ. Ты разуменъ, Нума, и слова мои должны тебѣ внятны быть.

Обратимся на сіи стада за гордыми и свирѣпыми своими пастырями стремящіяся; обратимся на сихъ простосердечныхъ людей, которые наподобіе невинныхъ агнцовъ лобызаютъ руку ихъ связующую; гдѣ искать имъ свѣта, когда со всѣхъ сторонъ тьмою они окружаются, и когда увѣряютъ ихъ, что они видятъ свѣтъ истинный. О! слѣпота, слѣпота, въ какія бѣдствія и заблужденія умы человѣческіе ты ввергаешь.

Сверьхъ того все величество Божіе, вся сила его, милость и судъ, будучи собранны во едино истуканное изобра-

женіе, не дадутъ мыслямъ разпространиться ко истинному божеству и чувствованіи его благости. Увѣриться можно, что пригвождая сердца и мысли ваши къ симъ истуканамъ, не становитесь вы лутчими; отъ чего сіе происходитъ? Безъ сумнѣнія отъ того, что не думая что есть Богъ, всѣ дѣла ваши видящій и изчисляющій разсуждаете, что вы покаясь передъ идолами отъ грѣховъ очистились.

Теперь можешь ли ты думать, что сіи великолѣпные кумиры нужны, что они могутъ твоихъ подданныхъ дѣлать добродѣтельными, и содержать ихъ въ союзѣ общаго спокойства. Мнѣ вспрѣчается въ мысляхъ грабитель, мздоимецъ, разбойникъ и убійца текущія въ капище предъ лице сооруженнаго ими бога; ибо инаго не знаютъ они, и не хотятъ знать, потому что со своимъ вымышленнымъ божествомъ удобнѣе примириться могутъ, и скорѣе сыскать средство откупиться отъ своихъ грѣховъ. Сіи вѣроломцы и нарушители общей тишины каются во своемъ прегрѣшеніи, рыдаютъ, приносятъ

сятъ жертвы, и наконецъ увѣряютъ себя, что они прощены и очищены, по тому что умилился предъ олтарями боговъ; что заплатили за прошедшіе пороки искреннимъ разкаяніемъ, и думаютъ, что за будущіе тѣмъ же заплатить могутъ. Но естьли бы знали они, что прозорливость Всевышняго въ стѣнахъ не заключается, что она временныхъ разкаяній не пріемлетъ, что вездѣ присудствуетъ и все видитъ; то пришедъ въ чувство одинъ разъ, не дерзнули бы вновь на грѣхъ свой возвращаться; ибо вездѣ Бога свидѣтелемъ дѣлъ своихъ имѣютъ. Въ противномъ понятіи обманъ, принявшій видъ божества, дѣлаетъ обманщиковъ; лицемѣріе покровительствуетъ лицемѣрству, и корыстолюбіе ободряетъ корыстолюбивыя сердца.

О! Нума, Бога мы чувствовать, а не понимать можемъ; сіе существо преисполнено совершенствъ, не имѣетъ оно пристрастія, не питаетъ мщенія, не пріемлетъ во мзду мучныхъ и кровавыхъ жертвъ; оно сотворило человѣка и любитъ его дѣла, но

но дѣла добрыя. Оно взираетъ на него равно какъ и на всякое свое твореніе; утѣшаетъ всѣхъ, хранитъ и милуетъ, изпребляя то едино, что вредитъ общей пользѣ и порядку естественному.

Отворимъ теперь умы и сердца наши предъ симъ непостижимымъ существомъ; да будутъ то его храмы. Возжемъ въ оныхъ любовь къ нему и къ своему ближнему, то будутъ его жертвы. Украсимъ оныя добродѣтелью и тогда почувствуемъ Бога; сей свѣтильникъ возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ и прогоняя отъ нашихъ душъ тьму беззаконій, во благоденствіи сохранитъ насъ.

Тако разсуждая, затвори слухъ твой отъ суевѣровъ и лжеучителей; незнающіе о томъ, на какой конецъ созданъ человѣкъ, невнемлющіе того, что говоритъ имъ сердце ихъ и притворяющіеся богобоязненными, суть враги небесъ и Царя ихъ. Ты услышишь отъ нихъ поученія не отъ истинной совѣсти произтекающія, ты

увидишь

увидишь слёзы ихъ; не вѣръ ни тому ни другому; одно имѣетъ своимъ изпочникомъ корыстолюбіе, а другое обманъ.

Но ежели мы опровержемъ храмы, разрушимъ истукановъ, уничтожимъ священнослуженіе, говорилъ Нума; то не послѣдуютъ ли большія злоключенія; въ сихъ развалинахъ погребутся остатки добрыхъ дѣлъ, донынѣ сердца наши въ союзѣ хранящихъ. Пороки разторгнувъ узы свои, съ наглостью по разрушеннымъ зданіямъ святости возликовствуютъ; а цѣломудріе въ отчаяніе придетъ; отнимется страхъ отъ погруженнаго въ невѣжествѣ человѣка, и все придетъ въ замѣшательство.

Я не сего требую; я не совѣтую разрушать священныхъ зданій, сказала Нимфа, ибо такая перемѣна возмутитъ чувства въ надлежащій порядокъ неприведенныя. Сіе установленіе нужно, доколѣ не возникнетъ истинна подъ сими гордыми зданіями заключенная, и не возсіяетъ свѣтлѣе солнца надъ всею вселен-

вселенною (*). Оставь до времени идольское священнослуженіе, оставь жрецовъ; но для сохраненія всего онаго не умаляй славы боговъ, всечасно на дѣла ваши взирающихъ. А для привлеченія людей твоихъ къ молитвамъ и богослуженію, изобрѣтай другія таинства и знаки, которые свойственнѣе съ божествомъ и ближе ко природѣ. Не камни и не тлѣнныя вещи составляютъ законъ, но составляютъ его добрыя дѣла, кротость, смиреніе и человѣколюбіе. Думай о томъ и возвратись во свои чертоги.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Премудрые совѣты для справедливаго Государя драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ предъ его престолъ приносимыхъ. Дѣйствіе оныхъ было великою пользою во время царствованія Нумы. Сей Философъ позналъ все то во

(*) Можно видѣть, что сочинитель здѣсь говоритъ о православномъ Христіянскомъ законѣ.

во уединенной своей жизни, что составляетъ совершеннаго человѣка; но не готовясь быть совершеннымъ Государемъ, не позналъ еще совсѣмъ должности и пристойныхъ ему качествъ. Люди раждаются съ разными дарованіями и способностями; одни для подаванія мудрыхъ совѣтовъ, другія для разумнаго оныхъ исполненія; но каждый достойный членъ общества, полезенъ на своей степени; а всѣхъ полезнѣе Государь знающій свойства человѣческія и добрымъ совѣтамъ внемлющій.

Таковъ былъ Нума; испытаніе таинствъ природы и всякаго бытія отворило ему сокровенныя чувствованія человѣческія, и научило его до какого совершенства они приведены быть могутъ; а частыя бесѣды съ Нимфою Егерою показали ему средства и тайные пути, какими общество привесть къ его благополучію.

Онъ почерпнулъ божественные законы изъ хранилищъ чистаго естества, а гражданскіе изъ добродѣтельнаго сердца.

ца. Сіи два свѣтильника не будучи окруженны тьмою, служили Римлянамъ къ достиженію общаго благополучія. Чѣмъ далѣ узаконенія отъ природы относятся, тѣмъ трудняе исполненіе оныхъ бываетъ; тѣмъ скоряе они нарушаются и будучи въ тягость душѣ и тѣлу, или во зло употребятся или пренебреженны будутъ. Тогда то мечь, огнь и кровопролитіе охранителями законовъ здѣлаются; гнѣвъ и сила сражаяся съ правилами природы или всѣ купно побигаютъ, или жестокія мучительства слѣдствіемъ возъимѣютъ. Рѣдко натура сама собою источникомъ зла бываетъ; но почувствуя наложенныя на себя узы, принужденна будучи тому слѣдовать, что силы ея превозходитъ или чего постигнуть не можетъ, приходитъ въ слабость, уныніе, замѣшательство, и сама себя не постигая себѣ вредною становится. Никакая тварь правилъ своей природы не пренебрегаетъ, и только врожденнымъ своимъ чувствамъ повинуется. Одинъ человѣкъ дерзаетъ превращать порядокъ и узаконенія природы, и разоряя основаніе существа своего, даетъ новое

бытіе

бытіе себѣ; кажется: что человѣки желая лутчими здѣлаться, хуже стали.

Нума проразумѣлъ въ какія опасности ввергаютъ цѣлое общество тѣ установленія, которыя суевѣріе основаніемъ своимъ имѣютъ, а неволю и строгость правиломъ. Онъ разсматриваетъ учрежденіе Весталъскаго чинположенія, и не находитъ въ немъ необходимости; изчисляетъ вредъ, злоупотребленіе, отягощеніе природы отъ сего общества произтекающія; внемлетъ гласъ вопіющаго естества, подъ бременемъ несносныхъ узаконеній стенящаго; представляетъ невинность въ жертву ложному благочестію, отъ лютыхъ родителей и сродниковъ приносимую, и страждущую во цвѣтущихъ лѣтахъ безъ малѣйшей помощи и отрады; Воображаетъ злочестивыя намѣренія и коварства жрецовъ, Егерою ему истолкованныя.

Тогда сердце цѣломудреннаго Философа и справедливаго Государя, сердце Нумино жалостію наполнилось; мысли его смутились; общество ослѣпленно

 гово-

говоритъ онъ! Но что мнѣ дѣлать, оно любитъ ослѣпленіе свое, и взволнуется ежели станемъ выводить его изъ заблужденія; оно страждетъ погруженно въ невѣжествѣ, и не хочетъ быти просвѣщенно. Страхъ въ темную сію бездну ввергнулъ его, страхъ охраняетъ и границы сего мрачнаго обиталища.

Коварства и хитрость нашихъ жрецовъ мѣръ не имѣютъ; ограждая свое спокойствіе, разполагая свое корыстолюбіе; не взираютъ они ни на слёзы влекомой въ жертву обманамъ ихъ юности, ни на ліющуюся неповинную кровь предъ олтарями боговъ нечувственныхъ, ни на погибель общества; все у нихъ простительно, что съ ихъ прибыткомъ соединенно; все имѣетъ видъ святости, что лукавству ихъ тьмы и подкрѣпленія придать можетъ, и все ужасно и богамъ ненавистно, что ихъ злымъ намѣреніямъ противится, и что лжеученіе ихъ уличить можетъ (*).

Но

(*) Сколько щастливыми почитать себя намъ должно, что возсіявшая новая благодать, ложныхъ

Но должно ли мнѣ для сего, видя общій вредъ, отъ сего пагубнаго общества происпекающій, должно ли мнѣ оставить ввѣренное мнѣ стадо, любезныхъ моихъ подданныхъ въ заблужденіи и въ самопроизвольномъ ихъ страданіи? Какой Государь я буду, когда вижу зло и не удалю его отъ человѣковъ? Какой буду я Философъ, когда понимаю вредъ, когда познаю обманъ, когда нахожу причину всенароднаго злоключенія, и не отвращу того отъ моего ближняго? Предстоятъ многія въ томъ опасности! Но должно ли Государю жалѣть своихъ трудовъ для спасенія всего общества? Должно ли Философу молчать, когда видитъ онъ погибающаго человѣка и спасти можетъ?

Кто же будетъ радѣть о пользѣ общей и всенародномъ спасеніи, когда Государи пренебрегутъ оное! Кто будетъ просвѣщать ослѣпленныхъ ложны-

---

ложныхъ боговъ истребила, и разруша ихъ капища отъ люотости древнихъ жрецовъ, насъ избавила; а открывъ намъ путь ко спасенію, руководству благочестныхъ пастырей насъ ввѣрила.

ми ученіями человѣковъ, когда мудрые люди во тьмѣ заблуждающимъ свѣтильника истинны не представятъ? Все основаніе и теченіе жизни моей сопряженны съ жизнію моихъ подданныхъ; они кровь свою пролить за меня готовы; могу ли я щадить ради нихъ труда своего? Нѣтъ! не взирая ни на препятствія, ни на многія опасности, хотя бы то и жизни моей стоило, долженъ я вступиться за народъ мой, извлечь его изъ тьмы невѣжества, просвѣщать его, утѣшать, дѣлать спокойнымъ и щастливымъ. Вотъ долгъ прямаго владѣтеля, и правила отца отечества; и вотъ на что отъ боговъ на престолы мы возведенны бываемъ.

Ежели не совсѣмъ изкоренить, по крайности, злоупотребленія ограничить надлежитъ; отсѣкая части заражающія все тѣло, можно сохранить его отъ конечнаго разрушенія. Преодолѣемъ труды; призовемъ на помощь мудрыхъ совѣтниковъ, давно отечественной пользѣ ревнующихъ, и спасемъ общество отъ погибели.

Достой-

Достойные Государи не гнушаются совѣтами своихъ подданныхъ, когда отъ искренняго сердца они происходятъ; а паче отъ людей въ отправленіи дѣлъ искусившихся.

Тако разсуждая, отправился Нума на зборное мѣсто, которое предъ горою Капитолинскою лежало. Тутъ обыкновенно Вельможи и народъ Римскій для совѣтыванія и разсмотренія общихъ дѣлъ збирались. Нума приходитъ въ собраніе, имѣя въ мысляхъ важныя намѣренія общей пользѣ касающіяся, а въ сердцѣ любовь ко своимъ подданнымъ.

Обрадованный народъ присудствіемъ сего премудраго Владѣтеля, оказывалъ ему всѣ знаки почтенія и любви, которые справедливыя Государи въ сердца подданныхъ своихъ влагаютъ. Благоразумное правленіе Нумино, въ первые дни его владычества оказалось. Римляне скоро почувствовали, что они въ избраніи Нумы на царство не ошиблись. Блаженство ихъ казалось имъ умножающимся и близкимъ, духи ихъ

успокоиваться начали, и любовь всенародная, слѣдствіе пріятной жизни, къ Государю ихъ возгорѣлись. Одни мучители присудствіемъ своимъ ужасъ на своихъ подданныхъ наводятъ; но кроткіе Государи утѣшеніемъ ихъ бываютъ; дѣти радуются встрѣчая родителей своихъ, а подданные приходятъ въ восхищеніе видя праведнаго Монарха.

Нума, отступя нѣсколько отъ народа, сѣлъ на особливомъ холмѣ между своими Вельможами. Въ общихъ совѣтахъ всѣ Члены равны быть должны; лутчіе совѣты, а не званія и типла мѣста украшать и отмѣняти долженствуютъ. Государи довольнѣе никогда не бываютъ, какъ въ то время, когда безопаснымъ равенствомъ съ подданными своими наслаждаются. Рѣдко толь пріятные часы для нихъ встрѣчаются, ибо часто они пренебрегаютъ ихъ. Нума не краткіе часы, но цѣлые годы утѣшался толь драгоцѣннымъ для Государей временемъ; ибо любилъ онъ подданныхъ своихъ: любилъ бесѣдовать съ ними; любилъ въ нихъ не великость и не тщеславіе, но всеобщее блаженство;

о немъ онъ съ ними вмѣстѣ старался, съ ними думалъ и дѣлая ихъ благополучными, не зналъ печали во дни своего царствованія. Тако будетъ каждый Государь любимъ и щастливъ, который находитъ свое утѣшеніе во благоденствіи подданныхъ; уставляетъ имъ законы на человѣколюбіи основанные, и бываетъ имъ примѣромъ и предводителемъ въ добродѣтельной жизни.

Премудрый Государь, который умѣетъ самъ подавать совѣты, не постыдится принять оныхъ отъ другаго. Для справедливаго Монарха нѣтъ стыда, по своимъ ли мнѣніямъ или по чужимъ онъ законы учреждаетъ; только бы они полезны были общему установленію.

Нума начинаетъ разговоръ свой съ престарѣлыми Вельможами, и сообщаетъ имъ свое мнѣніе о многихъ злоупотребленіяхъ и развратностяхъ, въ Римскіе новые законы вкравшихся; спрашиваетъ ихъ мнѣнія; внимаетъ оному, совѣтуетъ, дополняетъ, и

самъ, изправляя ошибки слушателей своихъ, изправляется.

Рѣчь зачалась о Весталъскомъ обществѣ; Нума повѣдалъ имъ приключеніе молодой Весталки въ темницѣ заключенной; описалъ имъ страданіе сей невинной дѣвицы, ярость ея родителя, беззаконіе брата, несправедливость судей и вѣроломство жрецовъ.

Судьи и жрецы, кои въ то время присудствовали, покраснѣли; образъ, какимъ Нума описалъ сіе приключеніе, потревожилъ сердца ихъ; устыдились они своего прежняго мнѣнія, которое имъ неопровергаемымъ казалось, когда услышали болѣзнующаго своего Государя о люпости установленныхъ ими законовъ. Жрецы въ первый разъ въ жизни своей плакали о чужой погибели, и въ первый еще разъ признались во своемъ заблужденіи. Но и сія жалость, какъ думаютъ, не отъ искреннихъ сердецъ происходила. Гдѣ нѣтъ правилъ честности, тамъ и склонностей настоящихъ не бываетъ; служащіе ложнымъ богамъ, ложные виды на себя пріемлютъ.

Такимъ

Такимъ образомъ они принуждены были согласиться съ намѣреніемъ премудраго Нумы, который не пребовалъ того, чтобъ уничтожить Весталокъ, зная сколь народъ пристрастенъ ко своимъ заблужденіямъ, вперенным гнуснымъ суевѣріемъ; но дабы преградить сей пагубный путь къ неистовствамъ отворенный, положилъ ему особливое основаніе.

Тогда въ Римѣ только четыре Весталки установлены, учреждено время ихъ принятія и отпущенія; въ разсужденіи строгой и едва сносной жизни для дѣвицъ, даны имъ выгоды предъ прочими, и честь почти царская отдавалась. Какъ желанія Нумины безмѣрны ни были установить порядокъ въ богослуженіи и священнодѣйствіи, которыя легко въ порядокъ онъ привелъ и ограничилъ; но мысли его еще больше стремились премѣнить ва́рварскія обыкновенія до Римскихъ дѣтей касающіяся, которыхъ родителямъ убивать позволялось.

Для того вторично обратясь ко жрецамъ и Вельможамъ говорилъ имъ:

соправители и любезные граждане мои, знаете ли, что я почти стыжусь сего имени, и мучусь въ моей совѣсти почитая себя сыномъ здѣшняго отечества и отцемъ дѣтей моихъ. Вы удивитесь первымъ моимъ словамъ. Но! разсмотрѣвъ оныя сами меня оправдаете. Представьте, что есть бѣдственнѣе и ужаснѣе въ природѣ какъ родиться отъ Римлянина? О! нещастные младенцы, жизнь ваша, когда еще сами себѣ вы никакой по́мощи найти не можете, сія бѣдная жизнь зависитъ отъ лютыхъ и своенравныхъ вашихъ родителей, которые съ перваго взгляда на васъ имѣютъ право лишати васъ живота. Я не опровергаю нужной родительской власти; но всѣ ли родители добронравны, и всѣ ли таковы, како́ва я отца имѣю; слѣдственно можетъ ли всякій сынъ быти спокоенъ? Есть ли тамъ любовь, гдѣ непрестанный страхъ ожесточаетъ сердце? и естьли тамъ согласіе, гдѣ съ одной стороны мучительская воля предѣловъ не имѣетъ, а съ другой безотвѣтное повиновеніе слѣпою должностію бываетъ? Видно, что одни родители толь свирѣпые законы устави-

ли,

вили, и дѣтей въ совѣтъ не приглашали. Римляне! вѣдайте, коль скоро сынъ или дщерь у васъ родились, тогда имя родителей заступаетъ отечество, и вы остаетесь одними хранителями общаго сокровища, по тому что вы собрались во общежитіе, и должны со временемъ сіи члены приложити къ цѣлому. Вы подумаете, что слабое и несовершенное произведеніе надлежитъ изтреблять при началѣ, дабы не отяготить онымъ общества. Но кто увѣритъ васъ, что одни красныя ли́ца съ достоинствами раждаются, и слабыя дѣти не укрѣпятся. Кто увѣритъ, что неполезный членъ вы изтребляете? Всѣ произведенія природы почитать должно нужными; но вы ни гласа природы, ни закона ея, ни пра́вилъ не чувствуете. О! Римляне, внемлите хотя вопль безвинно умирающихъ чадъ своихъ, не проливайте своей кро́ви едва двигаться начавшейся; Тибръ ею наполненъ, ваши ру́ки ею обагренны; Римъ потерялъ многихъ достойныхъ гражданъ, и чадоубійцевъ хранитъ во своихъ стѣнахъ. Опомнитесь! опомнитесь, подумайте, что сами вы дѣтьми были, и на то ли

вы

вы остались во свѣтѣ, чтобы востать на самое природу. Отвратите очи свои отъ сего богопротивнаго обыкновенія; бросьте убивственныя орудія; услышите стенанія изъ нѣдръ вашихъ на васъ вопіющія, стенанія чадъ вашихъ. Будьте отцами, но не будьте убійцами и мучителями. Не въ вашей волѣ состояло раждать дѣтей, не въ вашей волѣ убивать и мучить ихъ. Ежели же вы приписываете своему произволенію жизнь дѣтей своихъ, то вы и за несовершенства ихъ отвѣчати должны, и васъ, а не чадъ вашихъ наказывать надлежитъ; но отмѣните сей варварскій уставъ, отмените и будутъ отцы и дѣти спокойны. Тогда право чадоубійства (*) и безпредѣльной родительской власти безъ роптанія отмѣнилось, и Нума ощущалъ въ сердцѣ своемъ неизреченную радость, видя, что предпріятія его доброе начало и хорошій успѣхъ возъимѣли. Достойные Государи обыкновенно радуются, когда злыхъ людей въ раскаяніе приводятъ, или во обществѣ

что

(*) Ешардъ въ Римской Исторіи Томъ I.

что полезное установить случай находятъ.

Удовлетворенъ искреннимъ согласіемъ всенароднымъ съ его намѣреніями, Нума обратился ко всему собранію, съ которымъ предлежалъ ему совѣтъ большей важности. Зналъ онъ склонности Римлянъ; извѣстна ему была ихъ свирѣпость; и алчность къ войнамъ кровопролитнымъ; неукротимость ихъ ко грабежу; ненасытность къ злату и гордое мнѣніе о ихъ непобѣдимости, представлялись ему страшными чудовищами, съ которыми надлежало прежде сразиться и низложить ихъ, дабы сыскать путь ко сердцамъ своихъ подданныхъ и склонить оныя на свои мнѣнія. Всѣхъ побѣдъ такія преодолѣнія труднѣе, и всякой славы торжественнѣе; непостигающіе истиннаго блаженства человѣческаго, пренебрегаютъ и стараніе о томъ, думая, что Государи довольно сильны, когда воля ихъ исполняема бываетъ. Но благоразумные владѣтели инако думаютъ, они увѣрены, что воля ихъ есть, данное право принуждать быть, или стараться

ся дѣлать щастливыми человѣковъ; а не плѣнивъ сердца своихъ подданныхъ, ни воли надъ ними имѣть не можно, ни щастія ихъ ни своего утверждать неудобно. Первые пріемы разумнаго владѣтеля должны до сердецъ касаться и склонять ихъ къ себѣ. Ни лютый, ни несправедливый Монархъ въ томъ успѣть не могутъ. Одна прекрасная добродѣтель, кротость, цѣломудріе и благочестіе въ томъ успѣхъ получаютъ. И такъ чтобъ здѣлаться любимымъ отъ своего народа и царствовать надъ ихъ сердцами, должно быть Нумою; а Нума былъ добродѣтеленъ и праведенъ.

Онъ возставъ далъ знакъ народу, что нѣчто къ нему говорить намѣренъ; послѣдовало глубокое молчаніе, вниманіе на ихъ лицахъ изображалось; тогда Нума сказалъ имъ:

Храбрые Римляне! вы меня избрали своимъ Государемъ, и я противу моей воли, бремя сіе принялъ на себя, въ чемъ вы сами мнѣ свидѣтелями были. Я не разкаиваюсь о томъ, но вижу, что склонности мои несогласны съ вашими; вы

вы любите войну и кровопролитіе, а я люблю миръ и добродѣтель; какого же благополучія ожидаете вы отъ такого Государя, который чувствамъ и волѣ вашей противиться будетъ? Вамъ представляются въ мысляхъ великія сокровища отъ вашихъ непріятелей полученныя, и духъ вашъ утѣшается; мнѣ кроткая и постоянная жизнь подданныхъ моихъ воображается и веселитъ мое сердце. Вы гремящею по всей вселенной о вашихъ побѣдахъ славою, мысли свои наполняете; мнѣ пріобрѣтенное дружество отъ сосѣдей нашихъ благоустроенной и мирной жизнію, сладкимъ и сходнымъ съ человѣчествомъ упражненіемъ кажется. Вы хотите быть страшными воинами, а я хочу учинить васъ добродѣтельными людьми. Не думайте, что я хочу погасить въ сердцахъ вашихъ сей огнь, который во сраженіяхъ ободряетъ героевъ, и дѣлаетъ ихъ крѣпкодушными и неустрашимыми; нѣтъ! вы больше герои будете, когда добродѣтель возлюбите, и думается мнѣ, что добродѣтельный человѣкъ лутче защищаетъ свое отечество, нежели кровожаждущій воинъ, кото-

который одной корысти ищетъ. Но я вижу унылость на вашихъ лицахъ! Слова мои оскорбили сердца ваши; вы чувствуете, что я неспособенъ быть вашимъ Государемъ, потому что я войну ненавижу.

О! Римляне, не будьте коварны и скромны по неволѣ; вотъ вѣнецъ вами на меня наложенный; вотъ скипетръ мнѣ врученный отъ васъ; возьмите назадъ сіи гордыя украшенія и отпустите меня въ мое уединеніе.

Едва изрекъ сіи слова цѣломудренный Нума, намѣревающійся оставить сіе собраніе, и возвратиться въ Сабины; какъ тихое роптаніе прежде началось въ народѣ; другъ на друга взирали они съ недоумѣніемъ, потомъ вскричали единогласно: царствуй нами, добродѣтельный Нума, мы отъ тебя не отстанемъ, куда бы ты ни удалился; ты отецъ нашъ, и мы чада твои.

Коль пріятны такія слова слышанію праведнаго Государя, и коль рѣдко отъ нихъ слышимы бываютъ.

Такія

Такія возклицанія остановили Нуму, ибо онъ прямо любилъ своихъ подданныхъ, а не степень свою. Вельможи согласуясь желанію всего народа и собственному своему, повергліись на колѣна упрашивая Нуму, да не оставитъ ихъ въ жертву прежнимъ злоключеніямъ и непорядку.

Я не покину васъ, отвѣчалъ Нума, когда вы меня покидать не хотите. Люблю васъ, но люблю и буду любить ваши добродѣтели, когда вы сердца свои ею украсите. Римляне, знаю, что можно вамъ оставить звѣрскія свои обыкновенія и быть человѣколюбивыми; я для того и желаю вашей перемѣны, что вы достойны быти благополучными, и для того одного вступаюсь я во правленіе Римское. Знаю: ежели бы я васъ принуждалъ къ варварству и грабительствамъ, я бы скорѣе успѣхъ получилъ, и васъ бы на вѣкъ здѣлалъ нещастными. Но къ чему я призываю васъ: къ собственному вашему спокойству; къ тихой и благополучной жизни; къ любви ближнихъ; есть ли что свойственнѣе человѣку сего

упражненія! Вы человѣки и ужасаетесь быть ими.

Мы хотимъ быти таковыми, вскричали Римляне, каковъ премудрый нашъ Государь Нума!

Когда вы таковыми быть желаете, отвѣчалъ онъ, то ввѣрьте мнѣ сердца ваши; я вамъ, любезные мои подданные, свое ввѣряю. Сія искренность всѣхъ насъ учинитъ благополучными. Не погибель вашу я готовлю вамъ, но щастіе и благоденствіе; отставьте мысли о кровавыхъ войнахъ своихъ, которыя причины не имѣя начинаете; они человѣку несвойственны. Вы члены разныхъ обществъ, но равные люди, по нуждѣ и случаю другъ отъ друга отдѣлившіеся; Тигры на Тигровъ стадами не ополчаются, для чего же человѣку разумнѣйшей твари нападать на человѣка. Вы подумаете, что не похищая у ближняго живота и сокровищъ, пропитанія имѣть не будете. Не опасайтесь, я сыщу вамъ изобиліе и довольство. Не оружія и жизней вашихъ для онаго требую, однихъ трудовъ вашихъ,

тогда вы будете довольны, а сосѣди ваши будутъ спокойны.

Но дабы сіе намѣреніе навсегда твердо пребывало, возставлю для васъ знакъ божества, два лица имѣющаго (*). Не Богъ сіе изображеніе будетъ, ибо я боговъ умножать и вамъ представлять не могу; но будетъ свойство божества, изобразующаго прошедшее, настоящее и будущее; прошедшее будетъ представлять, какія бѣдтсвія отъ войны бываютъ; настоящее, имѣемъ ли причину начинать войну; а будущее, какіе успѣхи отъ войны имѣть можемъ. Когда Нума сіе говорилъ, вдругъ здѣлался необыкновенный шумъ въ народѣ.

(*) Аглинскаго ученаго собранія въ Римской Исторіи Томъ. VIII. Ешардъ Томъ I. Шофенъ въ Ж. В. Л.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возставшее смятеніе въ народѣ произходило отъ вбѣжавшаго во средину собранія чужестранца; онъ имѣлъ на себѣ одежду разтерзанную, лице блѣдное и глаза смущенные; достигнувъ до холма, на которомъ сидѣлъ Нума, повергся на колѣни и залившись слезами, возопилъ: боги! Царь! и народъ Римскій! вступитесь за бѣднаго чужестранца, для вашего имени пострадавшаго; Вольски люпые ваши сосѣди похитили жену, дѣтей и мое имѣніе. Обида моя на васъ обращается; ибо я пострадалъ за то, что хотѣлъ вашимъ гражданиномъ здѣлаться.

Не успѣлъ словъ сихъ выговорить чужестранецъ, какъ воины Римскіе затрепетали; очи ихъ наполнились кровью; лица возпламенились, и дрожащими руками изторгнувъ мечи свои, возгласили: война! война! отомстимъ нашу обиду и защитимъ наше имя.

Нума оскорбленный наглостію и свирѣпостію своихъ воиновъ, вопіялъ

къ

кЪ нимЪ: постойте дерзновенные! куда вы стремитесь? Что вы хотите дѣлать! постойте и выслушайте словЪ моихЪ! ГолосЪ ихЪ Государя укротилЪ нѣсколько возкипѣвшія сердца ихЪ. Тогда Нума пользуясь ихЪ колебаніемЪ, вошелЪ во средину собранія, и говорилЪ имЪ: воины! воины! сего ли я ожидалЪ отЪ васЪ? ТакЪ ли вы тверды во своемЪ словѣ, и сія ли ваша любовь ко мнѣ? Вы обязались клятвою за минуту, мнѣ во всемЪ послѣдовать! Гдѣ сіе обѣщаніе? Гдѣ увѣренія ваши? ДалЪ ли я вамЪ примѣрЪ нетерпѣливости? ИзвлекЪ ли я мечь свой? ЗабылЪ ли самЪ себя? И бѣжалЪ ли отомщать, кому, за что и за кого не вѣдая? НѣтЪ, Римляне, вы хотите лутче повиноваться сердечнымЪ чувствованіямЪ, нежели моимЪ совѣтамЪ; на что же вамЪ Государь, когда воля собственная вами управлять можетЪ. Оставьте меня въ покоѣ и спрашивайтесь впредь у чувствованій своихЪ, что вамЪ дѣлать должно; вы будете по мнѣнію вашему славны, а я хотя огорченЪ буду вашимЪ состояніемЪ, но моимЪ доволенЪ.

Тако говорящу Нумѣ, воины Римскіе стыдомъ и разкаяніемъ поражаемы были; глаза ихъ потупились, уста смыкались и мечи изъ рукъ ихъ упадали. Тогда Нума, видя ихъ искреннее разкаяніе, говорилъ имъ: не огорчайтесь моими словами Римляне; не оскорбляти васъ, они утѣшати должны. Похваляю усердіе ваше и любовь ко своему отечеству; пріятно мнѣ ваше человѣколюбіе, которое при обидѣ сего чужестранца вы почувствовали; оно отъ самой искренности произтекаетъ. Однако слѣпое повиновеніе вашему гнѣву и склонностямъ, можетъ иной дать видъ и самой чистой добродѣтели. Думайте о славѣ, но не забывайте человѣчества. Для спасенія одного порывались вы на жизнь цѣлаго народа; не были бы изключены изъ того числа ни слабыя жены, ни безвинные младенцы! Слезы одного человѣка были бы цѣною ліющейся рѣками крови вамъ подобныхъ. Грабительство, раззореніе, вопль, отчаяніе и ужасъ, мздою бы за удержанные пожитки здѣлались. Вообразите себѣ все сіе, и разсмотрите, можно ли бы называть васъ послѣ такихъ

мучи-

мучительствЪ славными воинами, или добрыми и достойными защитниками. СверьхЪ того знаете ли вы того, кто васЪ о защищеніи проситЪ? Знаете ли, за что имѣніе и семья его удержаны, и съ чемЪ наконецъ пришелЪ къ намЪ сей чужестранецъ? Подробность и разсмотреніе во всякомЪ дѣлѣ полезны; а во время начинанія войны, нужны и необходимы; ибо жизнь многихЪ людей и общее спокойство отЪ нея зависятЪ. СпросимЪ напередЪ, кто таковЪ сей пришлецЪ; какого рода нужна ему помощЪ, и подумаемЪ, что намЪ тогда предпріять должно. МожетЪ быть безЪ пролитія крóви, безЪ вражды и убытковЪ можемЪ и ему здѣлать помощЪ, и себя между сосѣдей учинить славными и любимыми. А ежели подлинно спокойство наше въ опасности; примемЪ оружіе, и докажемЪ свѣту, что мы не опасаемся, но не хотимЪ воевать.

Спокойныя лúца, какія Римляне во время сей рѣчи имѣли, увѣрили Нуму о хорошемЪ успѣхѣ совѣтовЪ его и согласій съ его мнѣніемЪ. Тогда

подозвавъ чужестранца, велѣлъ онъ расказывать ему все то, что до него надлежало; а онъ такъ и на-чалъ:

Отечество мое Гетрурія, предки мои еще въ древнія времена тамо поселились и жили благополучно до уничтоженія монархическаго правленія. Съ разрушеніемъ сего богоподобнаго начальства, разрушились столпы добродѣтели; законы потеряли свою силу, а добродѣтель цѣну; зависть и гордость, два жаждущіе порока человѣческой погибели, подъ видомъ драгоцѣнной вольности вожди правленія приняли и преломя скипетръ, мечь въ ру́ки взяли; наконецъ разсѣя страхъ по сердцамъ, имя любезной свободы въ единыхъ устахъ оставили: горе тому народу, который ужасаясь самодержавной власти единаго человѣка, многимъ правителямъ общее блаженство ввѣряетъ. На части разторгнутая единоначальная власть, есть о́бразъ разстроеннаго тѣ́ла, у котораго одинъ членъ другому не можетъ повиноваться; всѣ купно хотятъ преимуще-

ство-

ствовать, а наконецъ всѣ купно погибаютъ. Вотъ слабое начертаніе состоянія моего отечества, въ какомъ по раздѣленіи Монархіи оно находилось.

Примѣръ моего дома послужитъ вамъ примѣромъ, какія напасти могутъ претерпѣвать граждане, когда порядокъ правленія перемѣнится. Родители мои усердствующіе своему Государю, слѣдовательно и благосостоянію отечества, спокойную жизнь провождали. Но когда древо сіе, подъ тѣнію котораго они ликовали, изкоренилось, и бури повергшія его, силу возъимѣли, тогда и безопастность ихъ развѣялась; поколебалось море тишины, во брегахъ благоденствія долго пребывающее; общество взволновалось; правосудіе умолкло; непорочность устрашилась; бѣдоносное корыстолюбіе, ненависть, злоба, подозрѣнія и наглость, примѣромъ заразительной болѣзни вездѣ разпространились; словомъ, каждый членъ общества почиталъ себя равнымъ другому члену, каждый хотѣлъ привесть другаго въ безсиліе, и каждый воз-

 хотѣлъ

хотѣлъ имѣть первенство; ревнители общаго благоденствія сталі гонимы; добродѣтелямъ приписано имя злоумышленія; просвѣщенные умы здѣлались подозрительными; законныя богатства вредными; честь и кротость преданы посмѣянію и благочиніе изчезло!

Въ таковыхъ замѣшательствахъ, лишился я моихъ родителей утѣсняемыхъ, гонимыхъ, приведенныхъ въ подозрѣніе у цѣлаго общества, которое подъ видомъ собственной воли толкованію злыхъ совѣтниковъ послѣдовало. Государство раздѣлилось на двенатцать частей, *Лепкуконїями* нареченныхъ; всѣ сіи части желая согласіе между собою устроить, день отъ дня разстроивались; истинна и правосудіе цѣною корысти становились; спокойство куплею учинилось; наконецъ каждое состояніе, всякій образъ жизни, опасными здѣлались. Никто инаго не думалъ, какъ сохранить свое имѣніе, а сохраняя свое, чужое похитить; сосѣдъ сосѣду, сродникъ сроднику, другъ другу подозрительны учинились; никто не стараясь о поль-

зѣ

зѣ отечества, рачилъ о собственной, и богатство здѣлалось единственною добродѣтелью. О немъ думали, его величали, его стяжати старались. Тогда попрана честь, изгнана правда, утѣснялись науки, и достапокъ заступилъ мѣсто всѣхъ достоинствъ.

Каждый воздыхалъ о прежнемъ правленіи, и никто не смѣлъ говорить о томъ; чрезъ напасти изкушаются сердца наши, и когда мы свои злоключенія ясно видимъ, тогда цѣну прежней спокойной жизни познаваемъ. Таковы были Гепруски; увидѣли они свою погрѣшность въ перемѣнѣ своего правленія, единодушно всѣ желали возвратить Монархію; но собственное ихъ желаніе въ страхъ приводило ихъ; отъ чего сія робость и сіе терпѣніе произходило? Я не вижу иной причины, кромѣ лестной надежды каждаго, здѣлаться щастливымъ и сильнымъ, уничтожа силу и благополучіе ближняго своего. О! бѣдоносное славолюбіе и гордость, какимъ нещастіямъ родъ человѣческій ты подвергаешь; не жалѣть общаго покоя, раззорять, мучить, утѣснять и ненавидѣть

видѣть друзей, сродниковъ и ближнихъ своихъ. Вотъ слѣдствіе раздѣленнаго правленія, и вотъ о́бразъ состоянія человѣческаго, когда подпоры и покро́ва общаго благоденствія, своего Самодержца они лишаются, или власть его уничтожатъ. Имѣйте примѣромъ наше состояніе Римляне, когда нещастны быть не хотите.

Имѣя склонный духъ ко уединенію, и видя возмущенное мое отечество, удалился я съ болѣзненнымъ сердцемъ въ мои се́ла; ибо силы мои были недостаточны удержать стремленія сихъ злополучій, которыя противу общества вооружались. Увы! можетъ ли одинъ плаватель спасти корабль отъ разрушенія, когда прочіе о сохраненіи его не стараются; но куда я ни удалялся, общая всенародная болѣзнь, зависть, всюду за мною слѣдовала; не могъ я найти спокойства ни въ темныхъ лѣсахъ, ни посреди горъ каменистыхъ, ни у рѣкъ прохладныхъ, гдѣ своимъ возмущеннымъ мыслямъ и сердцу отраду сыскати чаялъ. Соболѣзнованіе мое о бѣдствіи моего отечества,

ства, причиною моего бѣдствія стало; враги и злодѣи мои умножились; здѣлались въ народѣ сильными, а мнѣ страшными. Тогда и сельское мое упражненіе моимъ злодѣямъ подозрительнымъ казалось; уединеніе мое сумнительства въ безпокойныя ихъ мысли вносило, поврежденная совѣсть всего боится, и тѣнь одна трепетъ на нее наводитъ. Свобода и тишина царствующія между кроткими поселянами, отдохновеніе колеблющимся моимъ размышленіямъ подавали, но дѣлая меня благополучнымъ, враговъ на меня ожесточили. Добродѣтель всегда страждетъ, гдѣ пороки силу и власть имѣютъ, всегда она въ поруганіи, гдѣ не поколебимость и твердость ея, слабыя сердца уличитъ и отмѣняться отъ нихъ можетъ. Не предвидѣлъ я слѣдствій, которыя отъ неосторожнаго моего усердія къ пользѣ моего отечества произойти могли; часто я воздыхалъ и плакалъ съ моими собесѣдниками о нещастіи согражданъ моихъ, а сія нескромность наконецъ погибельною мнѣ учинилась; чистосердечіе пріятно добрымъ людямъ, но для злыхъ оно есть

язва;

язва ; сіи пролитыя мною слéзы въ ядъ мнѣ обратились. Благополученъ бы я былъ, ежели бы все сіе только слабости моей приписывали.

Но зависть, алчущая зла человѣческаго, посреди горъ и лѣсовъ нашла меня. Когда я нáчалъ забывать о злополучіи моего отечества, и навсегда имъ забвенъ быти чаялъ, тогда составлялась въ немъ противу меня ужасная буря, на меня и на ближнихъ моихъ устремиться хотящая. Ужè я признанъ былъ отъ враговъ моихъ, врагомъ отечества ; ужè имѣніе мое общимъ объявлено и жизнь моя положена въ цѣну. Въ таковыхъ злополучіяхъ, куда прибѣгнуть мнѣ оставалось? ко правительству ! Тамъ гонители мои, тамъ желатели моего имѣнія и моей жизни. Къ народу? Сіе орудіе на мою погибель приготовлено , и корыстью изъ моего имѣнія обѣщанною направленно. Къ богамъ нашимъ? Увы! сильны ли боги тамъ, гдѣ правда, óбразъ ихъ существа уничтожена; гдѣ погибелью ближняго они умилостивляются, и прощеніе во грѣхахъ отъ купли зависитъ.

Оста-

Остатокъ малаго числа друзей моихъ, былъ остаткомъ моего спасенія; увѣдомленъ отъ нихъ о моемъ нещастіи, взялъ я жену и дѣтей моихъ съ малымъ числомъ имѣнія, и крылся по разнымъ городамъ внѣ отечества моего, которое мнѣ ужаснымъ казалось; но страхъ и отчаяніе вездѣ за мною слѣдовали. Трудно тому быть спокойну, кто лишится тѣхъ мѣстъ, которыя, взглянувъ на свѣтъ, въ первый разъ онъ увидѣлъ; разстаться на всегда съ тѣми людьми, съ которыми первыя слова мы изрекли, и не видѣть никогда того, что по нашей привычкѣ намъ природнымъ казалось.

Долго странствуя между Аборигенами, Фиденатами, Кротеніятами, Локрами и Лигурами, наконецъ услышалъ я о возстановленіи самодержавнаго правленія въ Римѣ, о мудромъ государствованіи Сабинянина Нумы, котораго благоразуміе всѣмъ народамъ извѣстно; и не знаю, для чего имѣя особливую склонность къ Монархамъ, вздумалъ я въ Римъ удалиться, и тамо гражданиномъ здѣлаться. Я продолжалъ путь

свой

свой спокойно до селеній Вольскихъ. Едва я прибылъ въ области сихъ ва́рваровъ, и мое намѣреніе имъ извѣстно учинилось, какъ домъ моего пребыванія сталъ окруженъ, народъ вопіялъ: погубимъ сего друга Римлянъ, и не допустимъ до нашихъ злодѣевъ. Въ такой опасности, мое собственное спасеніе, казалось мнѣ спасеніемъ ближнихъ моихъ; ибо другихъ средствъ не оставалось. И такъ скрылся я отъ моихъ злодѣевъ, чая вашею помощію возвратить жену и дѣтей моихъ.

Не прошу я войны, о! Римляне, взкричалъ чужестранецъ повергшись на колѣна, но присоединяя мои прозьбы къ совѣтамъ вашего Государя, прошу единаго защищенія отъ васъ. Я и семья моя, не сто́имъ пролитія кро́ви ни одного человѣка; и когда я столько нещастенъ, что не могу нигдѣ сыскать спокойнаго пристанища, то возвратя жену мою и дѣтей, безъ роптанія отъ васъ удалюся. Знать боги на меня прогнѣвались и людямъ я сталъ ненавистенъ!

Не ропщи противу боговъ и человѣковъ, говорилъ ему Нума: ты увидишь

дишь жену и дѣтей своихъ, и въ стѣнахъ Римскихъ ихъ облобызаешь, а наконецъ благополучнымъ гражданиномъ между нами здѣлаешся: не надобно проливать крóви человѣческой для сохраненія жизни другаго человѣка, ежели можно иными средствами спасти его. Я примѣчаю по твоимъ словамъ, что сердце твое искренно и неповрежденно; живи съ нами не опасаяся ни злодѣевъ, ни враговъ своихъ; ибо мы всѣ хотимъ быти друзьями.

Потóмъ обратясь ко своимъ воинамъ, сказалъ имъ: теперь Римляне, теперь видите вы, воевать ли намъ съ Вольсками, или только требовать отъ нихъ похищеннаго. Сей чужестранецъ желаетъ, чтобы мы только возвратили ему жену и дѣтей. Думаете ли вы, что ежели мы пойдемъ войною противу Вольсковъ, раззоримъ ихъ города, наполнимъ кровію ихъ поля; думаете ли вы, что сей мужъ удовольствованъ будетъ? Вамъ кажется, можетъ быть, что вы изторгнувъ мечи свои, въ страхъ приведете своихъ сосѣдей; но вы не предвидите, что не опасаются вашего

И имени,

имени, когда явно смѣютъ васъ ненавидѣть. Вы, можетъ быть, думаете, что своимъ оружіемъ заставите сосѣдей своихъ почитать себя; обманываетесь! Вы навести можете чрезъ то ужасъ, а ненависть умножить.

Страхомъ никогда сердецъ привлекать не можно, и человѣчество отъ того единаго страждетъ, что не умѣютъ сыскивать иныхъ способовъ, кромѣ насилія и свирѣпства, ко приведенію въ послушаніе подчиненныхъ. Но представьте при сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, отъ войны произходить долженствующія: забудемъ все, пойдемъ противу Вольсковъ, пограбимъ ихъ имѣніе, поведемъ въ плѣнъ женъ и дѣтей ихъ, опустошимъ ихъ домы; возвратимъ ли черезъ то сему бѣдному чужестранцу, просящему отъ насъ помощи, жену, дѣтей и его имѣніе? Онъ пришелъ къ намъ жаловаться на грабителей, а мы сами для него грабителями здѣлаемся. Онъ отъ насъ требуетъ плѣненной жены и дѣтей, а мы сами чужихъ женъ и дѣтей въ плѣнъ поведемъ. Слѣдствіе съ намѣреніемъ

будетъ

будетъ не согласно, и ни проситель неудовольствованъ, нижѐ мы хорошими защитниками утѣсненныхъ учинимся. Дѣло касается до помощи бѣдному и странствующему человѣку; вступимся за него, дадимъ ему помощъ; но не-
ва́рварскую, отъ которой ни онъ выигрыша, ни мы успѣха не получимъ; покажемъ сосѣдамъ нашимъ человѣколюбіе наше, въ разсужденіи гостепріимства и сосѣдства; устыдимъ Вольсковъ ихъ свирѣпостію и недружелюбіемъ. Отнимемъ у нихъ причины и думать о насъ худо; увѣримъ ихъ о нашемъ чистосердечіи и благочестіи: сіе да будетъ отнынѣ нашимъ оружіемъ, нашими войсками и славою. Я увѣряю васъ, что Римъ скорѣе процвѣтетъ при такихъ учрежденіяхъ, и увѣряю, что сей чужестранецъ безъ войны увидитъ здѣсь семью свою.

Римляне еще не разумѣли, какимъ средствомъ Нума хотѣлъ возвратить жену чужестранцу безъ войны и бра́ни. Дикому и свирѣпому народу всѣ способы невозможными кажутся, которыя въ себѣ насильствія и кровопролитія не заключаютъ.

Но Нумино кроткое и миролюбивое сердце отъ таковаго варварства отвращалось. Ничто ему не казалось несправедливѣе и гнуснѣе напрасной войны; и для того прежде нежели необходимость къ тому принудитъ, учредилъ онъ провозглашателей, которые при сумнительныхъ и нещастныхъ обстоятельствахъ отправлялись къ сосѣдственнымъ народамъ, въ несогласіе съ Римлянами пришедшимъ. Сіи провозглашатели, фесіалами названные, посылались отъ народа для требованія удовольствія обиженнымъ и пылкая свирѣпость Римлянъ къ несправедливымъ войнамъ, чрезъ то немало укрощена была (*).

Тако благоразумный Нума учреждаетъ спокойство во своемъ владѣніи; миръ и тишина въ его область возвращаются; Римъ готовится подавать законы цѣлому свѣту, и добродѣтель, душа благополучнаго общества, утѣшеніе сердецъ непорочныхъ, красота и честь народовъ,

(*) Смотри во всѣхъ Римскихъ Историкахъ, писавшихъ жизнь Нумину.

народовъ, получаетъ свою силу и прибѣжище у Римлянъ.

Щастливы народы благоразумныхъ Государей имѣющіе, и щастливы Государи послушныхъ волѣ ихъ подданныхъ имѣющіе; но всегда они послушными ихъ увидятъ, когда воля ихъ къ общему только добру клониться будетъ.

Мы видѣли Нуму простымъ селяниномъ; видѣли его избраннымъ Государемъ; отцомъ своихъ подданныхъ; рачителемъ общаго добра; разумнымъ владѣтелемъ и вмѣстѣ истиннымъ гражданиномъ; вездѣ онъ любезенъ, всегда кротокъ, непоколебимъ, равнодушенъ и праведенъ. Посмотримъ его теперь въ прудахъ и упражненіяхъ, Нумѣ только свойственныхъ, онъ представится намъ въ пыли и въ потѣ; почтителенъ потъ и труды, ежели для общей пользы они предпріемлются.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ужѐ провозвѣстникъ вступаетъ во предѣлы Вольскіе, облеченъ въ великолѣпную одежду (*), ужѐ призываетъ онъ имя Зевесово и другихъ боговъ во свидѣтельство, что пришелъ онъ просить справедливости отъ Римскаго народа. Ужѐ заклинаетъ себя самаго и Римъ, что не изрекъ онъ ничего неправеднаго; повторяетъ заклинанія свои первому встрѣтившемуся ему человѣку, повторяетъ ихъ у вратъ градскихъ, на зборномъ мѣстѣ, и предъ Судіями народа возобновляетъ оныя. Вольски внемлютъ справедливому его требованію; совѣсть ихъ колебаться начинаетъ; новый поступокъ, предпріятый Римлянами побѣждать сосѣдей, является имъ человѣколюбивымъ, разумнымъ и благороднымъ. Узнаютъ свою несправедливость, стыдъ, мучитель сердецъ нашихъ, разпространяется по ихъ чувствамъ, и Римляне удовольствіе получаютъ.

Между

(*) Римскіе Историки въ Нуминой жизни.

Между тѣмъ Нума, не пренебрегая ни единаго способа къ возстановленію благоденствія въ его отечествѣ, призываетъ народъ ко своимъ чертогамъ, и говоритъ:

Я обѣщалъ вамъ сыскать ~~способы~~, которыми бы вы безъ военныхъ подвиговъ обогащаться могли, и не обману васъ; не нарушайте и вы своего согласія, моимъ совѣтамъ послѣдовать. Не крóви и жизней вашихъ требую для произведенія моихъ намѣреній въ дѣйство, терпѣнія и трудовъ. Сіе мнѣ только надобно. Вы претерпѣвали зной, хладъ, и голодъ ради погибели другихъ человѣковъ для того только, что они не Римляне. Употребите подобный трудъ нынѣ, для собственнаго благоденствія, которое вамъ полезно и никому не будетъ вредно. Вы завоевали многія поля̀ вокругъ Рима лежащія, и распростерли далеко его границы. Пойдемъ, Римляне, посмотримъ на сіи поля̀, не найдемъ ли злата и сребра, тамо лежащаго, и только рукъ нашихъ ожидающаго; обозримъ сіи мѣста̀, не откроются ли намъ преизбыточныя на

нихъ сокровища, каковыя мечемъ и варварствомъ у другихъ народовъ похищаемъ. Отнесите теперь ратныя оружія во свои хижины. Мы теперь дома, и Римлянину стыдно быть робку, когда онъ оружія при себѣ не имѣетъ; отнесите его, поломъ выйдемъ за градскія стѣны.

Нума провождаемъ Римлянами, идетъ по полямъ около города лежащимъ; въ густой травѣ и кустахъ между собою сплетенныхъ, скрывается множество народа; тогда говорилъ онъ окружающимъ его:

Вотъ поля и горы кровію нашею пріобрѣтенныя; вотъ за что предки, сродники и друзья наши жизнь свою на войнѣ положили; вотъ за что мы Вольсковъ, Лигурянъ, Латиновъ и прочіе народы себѣ злодѣями здѣлали; вотъ мзда за труды, опасности, болѣзни и несправедливости наши. На что намъ все сіе? на что намъ, о! Римляне! сіи покрытыя терніемъ поля, которыя мы у Вольсковъ отняли? На что намъ сіи крутыя горы, дремучимъ лѣсомъ обременен-

мененныя, которыя жизнію многихъ нашихъ сограждановъ у Вейеновъ и Фиденатовъ мы купили? Стóятъ ли безполезныя трáвы, голые камни, непроходимые лѣса, желтыя пески и болота, стóятъ ли той цѣны, какую мы за нихъ полагали? Есть ли кто изъ васъ, который бы взглянувъ на сіи дикія и ужасныя пустыни, не вспомнилъ отца, родственника или друга своего, которыхъ онъ лишился на сихъ поляхъ безобразныхъ? За сіи мѣста безплодныя, за сіи источники заглушенные, страдали вы, мучились и всего лишиться хотѣли. Сердце ваше млѣетъ, чувствуя подъ ногами своими здѣсь ващихъ свойственниковъ лежащихъ. Вы разстались съ ними на вѣки; лишились лутчаго Римскаго гражданства, потеряли самыхъ ближнихъ своихъ, и что пріобрѣли тѣмъ? Также домы ваши пусты и неукрашенны, какъ и прежде были; ту же претерпѣваете нужду во снисканіи себѣ пропитанія; имѣете вы злато, но оно есть óбразъ единъ богатства, а не самое богатство; должны вы или драться и жизнь свою губить за свою пищу; или

пріобрѣтать оную у сосѣдей вашихъ за пограбленныя отъ нихъ корысти, и быти потому ихъ самовольными данниками. Сіе ли мзда за труды ваши, и сію ли пользу завоеванныя мѣста вамъ приносятъ? Но подумавъ прилѣжнѣе, и подлинно вы корысти и великія сокровища на сихъ поляхъ сыскать можете, когда опложа мысли о пустой своей славѣ, къ неправеднымъ войнамъ васъ позывающей, употребите все ваше спараніе о землепашествѣ. Вотъ прямое богатство ваше. Покажите вашимъ побѣжденнымъ сосѣдамъ, что вы и воевать и завоеванное въ пользу употребить умѣете. Не дикіе вы звѣри, которые сами о пропитаніи своемъ стараться не умѣя, чужими трудами жизнь свою содержатъ.

Орудія для землепашества имѣете въ рукахъ вашихъ; ваши мечи, ваши стрѣлы, щиты и копья, которыхъ съ излишествомъ для мнимыхъ своихъ злодѣевъ приготовили. Сіи смертныя орудія да превратятся въ серпы и плуги, міръ и благоденствіе знаменующіе.

При-

Приложите храбрыя ру́ки ваши къ очищенію полей и къ размноженію плодовъ; ни слава, ни спокойство ваше чрезъ то не умалится; ибо слава всякій трудъ превозноситъ, а спокойство гражданъ отъ изобилія познае́тся.

Радость и удовольствіе по сихъ словахъ оказались на лицахъ у всѣхъ Римлянъ; и можно было сказать, что Нума имѣлъ нѣкоторую особливую силу, отнимать у своихъ подданныхъ ва́рварскія сво́йства, и влагать не принужденно въ сердца̀ ихъ человѣколюбіе, кротость, послушаніе и почтеніе.

Не удивительно такое сильное привлеченіе сердецъ къ желаніямъ Государя: кто скорѣе дѣйствовать онымъ можетъ, какъ не тѣ, отъ чьей воли все наше благополучіе зависитъ. Но ежели мы зависимъ отъ воли мудраго, добродѣтельнаго и правдиваго Монарха, можетъ ли что удержать чувства наши, его намѣреніямъ согласоваться? Воспрепятствуетъ ли что нибудь возженной любви справедливостію, милостями и великодушіемъ, желанію нашихъ владѣтелей покоряться? Они пекутся

о нашемъ благоденствіи; на ихъ благоразуміи основано спокойство наше; они всѣ минуты жизни своей для нашей пользы употребляютъ; имъ ли не жертвовать намъ послушаніемъ своимъ и не должно ли почитать божественными ихъ узаконеній?

Тако Нума привлекаетъ народъ свой къ землепашеству, отъ котораго зависитъ благосостояніе государствъ. Самъ онъ, отложа царскій вѣнецъ и скипетръ, первый плугъ провождаетъ; весь народъ за нимъ слѣдуетъ. Уже слышится ревъ воловъ, земныя орудія влекущихъ; младыя агницы на лугахъ разчищенныхъ въ жирной травѣ пасутся, стада овецъ и козъ млекомъ полныхъ, играніемъ своимъ подъ тѣнію древесъ зеленыхъ, радость и свободу свою возвѣщаютъ. Уже сокровища природы изъ нѣдръ земныхъ извлекаются; обильная жатва покрываетъ пространныя поля, источниками чистыхъ водъ орошаемыя. Дикіе лѣса и луга каменными буграми закладенные, превращаются въ пріятныя гульбища. Лѣто благораствореннымъ воздухомъ дышущее, обѣщаетъ трудя-

трудящимся щедрое воздаяніе. РимЪ одѣвается извнѣ новыми красотами, которыя одна натура во своихЪ объятіяхЪ имѣетЪ, и чувствамЪ подаетЪ нѣжное оживленіе, награждая прилѣжнаго земледѣльца.

Нума, примѣтивши ревнительное стараніе своихЪ подданныхЪ о земледѣлшествѣ, раздѣляетЪ простому народу завоеванныя поля; учреждаетЪ во многихЪ мѣстахЪ селенія, пагами наименованныя (*). Тамо разныя семьи по ихЪ свóйствамЪ, изкусствамЪ и упражненію разведены. ТакимЪ образомЪ необходимость во трудахЪ и взаимная нужда согласіе между ими устроиваетЪ, и кЪ трудамЪ непрестаннымЪ привычку раждаетЪ. Голоса поющихЪ птицЪ повсюду раздаются, стукЪ сѣкирный отзывается далеко, и эхо труды и упражненія земледѣльцовЪ повторяетЪ. Кажется, что вдругЪ новые люди, новыя поля, новыя лѣса и рѣки раждались вокругЪ Рима. Отсвюду видны сады зеленѣющіеся, и благовонныя древеса плоды приносящія. РимЪ, сей РимЪ, который не-

(*) Римскіе Историки о НумѢ.

незадолго до сего вертепомъ разбойничьимъ казался, нынѣ вертоградомъ представляется. Римляне, оставя свою дикость и прежнюю грубость, добрыми поселянами становятся; нравы ихъ по свóйству упражненія ихъ умягчаются и дѣлаютъ ихъ истинными человѣками. Тогда познали они пользу и благосостояніе, которыя сулилъ имъ Нума и сколь благоразуменъ ихъ владѣтель.

Возвращеніемъ жены, дѣтей и имѣнія чужестранцовыхъ, познаютъ Римляне цѣну добродѣтели, которую и враги ея почитаютъ заимствуя ея прелести: самые злые люди видомъ честности украшаются и по нещастію нашему отъ того единственно добраго человѣка, отъ недобраго различить трудно.

Римляне начинаютъ увѣрять себя, что кроткое и миролюбивое поведеніе не меньше чéсти приноситъ, нежели подвиги военныя и свирѣпыя ополченія противу человѣковъ. Начинаютъ они стыдиться прежняго своего варварства и кровожаждущихъ предпріятій; война имъ

имъ представляется мучительскимъ и звѣрскимъ упражненіемъ ради самихъ себя, и ради своихъ ближнихъ. Чувствуютъ они всю важность и пользу благихъ совѣтовъ новаго своего Государя; сравниваютъ прежнее свое состояніе съ нынѣшнимъ, и находятъ великую разность, разность, отличающую тѣхже самыхъ людей отъ нихъ самихъ; спокойство возвращается въ ихъ сердца, изобиліе въ ихъ домы, и благоденствіе въ ихъ цѣлое общество; удивляются они въ себѣ такой перемѣнѣ, но больше удивляются Нумѣ.

Тогда земледѣліе въ цвѣтущее состояніе приходитъ, любовь ко премудрому Государю преуспѣваетъ его намѣренія, и щастіе гражданъ и поселянъ въ совершенство приводитъ. Ужѐ при обильной жатвѣ пѣніе повсюду раздается, труды земледѣльцовъ въ очахъ Вельможей Римскихъ совершаются (*), и дока-

(*) Что Нума, своимъ примѣромъ привлекъ своихъ Вельможей къ землепашеству и полевому упражненію, то еще больше его благо-

доказываютъ имъ, что могутъ быть вожделѣнныя упражненія, не имѣя во своемъ видѣ кровопролитія и злобы. Нума, самъ Нума, своимъ присудствіемъ поощряетъ ко трудамъ дѣлателей; часто самъ примѣры подаетъ во удобреніи землѝ, въ посевѣ и жатвѣ; всюду его совѣты разливаются; вездѣ наставленія его руководствуютъ. Нума есть и мудрый правитель, и благочинный гражданинъ, и искусный поселянинъ. Ничто отъ примѣчанія его не уходитъ, ничто не скрывается отъ его проницанія, что до общей пользы касается. Вдругъ онъ становится великъ, премудръ и полезенъ; отъ единаго человѣка щастіе многихъ возрастаетъ, и что невозможнымъ для приведенія въ совершенство, человѣку ка-

---

благоразуміе подтверждаетъ; ибо зналъ онъ: когда народныя Судіи и правители не будутъ имѣть яснаго понятія о земледѣліи, то не могутъ и дѣлъ касающихся до того, удобно разсматривать; а чрезъ то сей источникъ сокровища всенароднаго истребиться, изчерпаться и совсѣмъ пресѣчься можетъ. Притомъ въ древности сего упражненія не стыдились.

кажется, то вдругъ черезъ него пріобрѣтается.

Коль пріятно воображенію сельское житіе и непорочные труды земледѣльцовъ; но какое почтеніе раждается въ сердцѣ нашемъ, когда представляемъ низшедшаго Монарха со престола ко упражненіямъ поселянскимъ, Вельможей оставляющихъ свою пышность во стѣнахъ градскихъ, и вмѣстѣ съ земледѣльцами труды раздѣляющихъ. Кажется человѣчество къ первому бытію своему возвращается, и златый вѣкъ возпѣваемый стихотворцами возобновленъ бываетъ. Нума владѣтель Римскій, Нума законодатель народа, который законодателемъ цѣлаго свѣта учинился; Нума въ пыли и въ потѣ, посреди жатвы, посреди сѣятелей, при насажденіи древесъ, кажется отцомъ единыя семьи а не Монархомъ. Природа начинающая ликовать на поляхъ изобилующихъ ея дарованіями, природа радость изъявляетъ; луга лутчею зеленью покрываются; стада удовольствіе чувствуютъ, и человѣки въ тишинѣ и благополучіи дни свои провож-

даютъ;

даютъ; непрестанные ихъ труды легкими имъ кажутся, когда самъ ихъ Государь и отецъ ихъ участіе въ нихъ пріемлетъ.

Тако началъ процвѣтать Римъ, и нравы его жителей видъ истиннаго человѣчества возпріяли; стократно благополучны народы, ввѣряющіе вожди правленія въ руки разумнаго и добродѣтельнаго Государя.

Римляне похвалялись избраніемъ Нумы, а Сабиняне рожденнымъ отъ ихъ крови человѣкомъ, который учинился великимъ Монархомъ; коль пріятны таковые споры, которые отъ любви къ единой особѣ происходятъ, и съ обѣихъ сторонъ честь ей приписываютъ. Не оставалось имъ инаго желать, кромѣ продолженія жизни того Монарха, который щастливыми ихъ дѣлалъ. Повсюду возпѣвалось имя Нумино; вездѣ приносились о его здравіи обѣты; повсюду разговаривали о добродѣтеляхъ, о премудрости и кротости новаго ихъ Государя, и возсылали молитвы къ богамъ о продолженіи драго-

цѣнныя

цѣнныя его жизни, спокойства и невредимости. Боги услышали прошéнія РимлянЪ; ибо они искренни были; и продолжали жизнь Нумину во благоденственномЪ состоянiи до позднихЪ лѣтЪ, да совершится общее благоденствiе.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Истининое блаженство человѣческаго рода отЪ благоразумныхЪ законовЪ произтекаетЪ. Но законы суть одно начертанiе, на которомЪ щастiе и благополучiе общества утверждается; они требуютЪ исполненiя, а исполненiе зависитЪ отЪ людей просвѣщенныхЪ и добродѣтельныхЪ; ибо законы сами собою дѣйствовать не могутЪ.

Нума на подобiе проницательнаго строителя, который сооружая зданiе предвидитЪ, ежели основанiе онаго не будетЪ твердо, то скорому разрушенiю оно подвергнется; Нума разсуждаетЪ о учреждаемыхЪ имЪ законахЪ: онЪ

соглашаетъ ихъ съ пользою своего отечества; но сію пользу надлежало ему ввѣрить по необходимости разумѣнію и совѣсти судей, которыхъ нравы и понятія неодинаковы были и невсегда къ общему добру, но больше къ собственному клонились.

Надлежитъ въ мысляхъ своихъ представить разцвѣтающій и вновь заводимый вертоградъ, въ которомъ древеса изъ разныхъ странъ пренесенныя насаждаются, и несходныя потому свойства имѣютъ; таково было Римское общество; члены онаго изъ разныхъ народовъ стекаются и различныя склонности, обычаи и чувствованія воедино общество сливаютъ; единообразное состояніе придать ему надлежало, и приводя въ равновѣсіе людей каждаго званія, согласіе между ими устроить.

Ромулъ, раздѣля Римлянъ на разныя степени, уравнялъ сильнаго съ безсильнымъ, богатаго съ нищимъ, и благоразумнаго съ невѣждою; ибо одинъ отъ другаго они зависѣть долженствовали, и преимущество одного человѣка предъ дру-

другимъ такъ учреждено было, что въ каждомъ состоянiи неспособный способнаго имѣлъ своимъ защитникомъ, а защитникъ пріобрѣталъ въ защищаемомъ усерднаго исполнителя своей воли и поборника своимъ намѣренiямъ; такое мудрое учрежденiе обѣщало раждающемуся обществу, незыблемое благоденствiе, и согласiе въ народѣ устроивало.

Но самолюбiе человѣческое стези ихъ скользкими дѣлаетъ, чѣмъ выше они возносятся; гордость затмѣваетъ зрѣнiе, какъ скоро одинъ отъ другаго честiю отмѣнится, и скрываетъ отъ него прежняго его сверстника; достоинства и степени, на которыя высокомѣрные человѣки возводятся, раждаютъ въ ихъ надменныхъ сердцахъ увѣренiе, что имъ однимъ сiе званiе свойственно, и что одни они рождены для знатныхъ чиновъ; наконецъ погруженный разсудокъ въ самолюбiи, не только самаго себя, но и все то, что его окружаетъ, а паче что льститъ его тщеславiю, почитаетъ достойнымъ другими повелѣвать и начальствовать; тщет-

ная сія на свои достойнства и на свою способность надежда, руководствуетъ иногда избраннымъ къ правленію честолюбивымъ людямъ, лишать надежды добродѣтельныхъ и честныхъ людей быть полезными своему отечеству; ибо одна добродѣтель удаляется отъ ненавистной гордости и гнуснаго тщеславія; бременоносцы слѣпаго щастія, льстецы, и развращенные пороками люди, подъ покровъ сихъ тѣней благоразумія собираются, и мракомъ оныхъ объемлемы, часто получаютъ преимущества передъ достоинствами.

Въ такомъ состояніи находился Римъ при вступленіи Нумы на престолъ, и такою слѣпотою Вельможи Римскіе были омраченны, когда отъ силы и случая преимущества зависѣли; благоденствіе отечества подъ видомъ собственнаго благоденствія они воображали, и всенародныя бѣдствія были для нихъ неизвѣстны; (*) одни безсильные и бѣдные

(*) Всѣ древніе Историки утверждаютъ, что по смерти Ромуловой народъ не утверждаясь на

ные люди чувствуютъ удары, которы-
ми общество поражается, когда бѣд-
ствія и недостатки бываютъ на него
вооруженны; гордость ослѣпляя глаза
Римскихъ Вельможей; текущія слёзы
сиротъ и гладомъ утомленныхъ людей
отъ нихъ скрывала; имъ кажутся всѣ
благополучными, когда сами они благо-
получны; все имъ представляется
удовлетвореннымъ, потому что ихъ
сердца и духи удовлетворенны были.
Непостоянное щастіе! доколѣ смерт-
ные будутъ твоимъ игралищемъ! доко-

на выборѣ себѣ Государя, учредилъ пяти-
дневныхъ правителей изъ Вельможей. Но
сія власть скоро имъ наскучила, а нако-
нецъ тягостною учинилась; роптаніе у-
множалось, пятидневная перемѣна началь-
никовъ, казалась имъ умноженіемъ тира-
новъ, хитрость и пристрастіе вмѣша-
лись во правленіе Вельможъ; сіе принуди-
ло народъ требовать одного правителя,
который наконецъ и назначенъ. Должно
благодарить судьбину, которая избирая
мудрыхъ людей Государями, благонрав-
ныхъ Вельможей имъ представляетъ; въ
наши дни сіе намъ довольно доказано, ибо
мы видимъ премудрость на престолѣ, из-
ливающую лучи свои на всѣ состолнія.

лѣ будешь отнимать прежнія чувства у сердецъ своихъ любимцовъ, дабы забывали они, что когда нибудь людьми были, и колико бѣдность и гоненія человѣку несносны.

Что въ законахъ? Ежели нѣтъ благонравныхъ исполнителей закона; на Что правда? Когда она защитниками и хранителями ея пренебрегается. О! вы добродѣтельные люди! только вамъ истинны гласъ пріятенъ! Ваши сердца сладость ея чувствуютъ! потому что вы вмѣстѣ съ нею страждете и трепещете!

Здѣсь описывается жизнь добродѣтельнаго Нумы, и сообщается то, что онъ думалъ, примѣчая непорядки и злоупотребленія, Римъ заражающія. Не должно воображать себѣ пространнаго государства и сильнаго владѣтеля въ семъ описаніи; малое селеніе изъ разныхъ народовъ составляемое, и краткіе законы по свойству учреждаемаго общества установленные, подадутъ точное понятіе о семъ новомъ обществѣ; но какъ оно ни было ново, старые и врожденные человѣкамъ пороки въ него вне-

внесены были; гордость и злоупотребленіе за ними слѣдовали изъ ихъ отечества, и прежнее зло въ новомъ обществѣ разсѣявали, не допуская возсіять красотѣ добродѣтелей.

Нума примѣтилъ, что ослѣпляемые своею знатностію и преимуществами нѣкоторые Вельможи, не раздѣляютъ съ нимъ бремени государственныхъ дѣлъ; они будто къ желанному пристанищу достигнувъ, покоились на цвѣтущихъ берегахъ благоденствія, оставляя общество его волненію, и свирѣпости неукротимыхъ бурь, отъ которыхъ они избавленными себя почитали. Онъ увидѣлъ, что высокія степени для таковыхъ становились не предлогомъ заслугъ, и не жертвою трудовъ своему отечеству; но единымъ игралищемъ и отдохновеніемъ людей самолюбивыхъ и нерачительныхъ. Должности ими на себя пріемлемыя, представляются ему образомъ сна, который преносясь въ мечтаніи человѣка изъ одного мѣста въ другое, и представляя непреодолимыя ему трудности, тѣло въ покоѣ и неподвижности оставляетъ; все сіе не

обѣщаетъ ему ничего добраго, ни для сго пóмощи, ни для пользы народной.

Паче всего сердце добродѣтельнаго Монарха безпокоится, когда онъ представляетъ во своихъ мысляхъ скорое обращеніе всего общества въ бѣдственное и злое состояніе, изъ котораго онъ извлечь его старается. На что я принялъ Римское правленіе, разсуждалъ онъ, когда Римлянъ не успѣю учинить совершенно щастливыми; ибо многіе помощники мои нерачительны и больше вредны отечеству нежели полезны; я пекусь о ихъ благоденствіи; я проливаю потъ на знойныхъ степяхъ, съ ними труды ихъ раздѣляя; я бодрствую день и ночь, удобнѣйшія средства ко благополучію ихъ сыскивая, но что въ моемъ раченіи? Что въ трудахъ моихъ? Дни мои протекаютъ, старость обезсиливаетъ мои чувства, и вѣчность мнѣ врата свои отворяетъ. Не будетъ ли мой народъ злополучнѣе, когда не докончавъ моихъ намѣреній его оставлю; или когда и всѣ мои желанія совершатся, могутъ ли устоять сіи узаконенія, которыя съ принужденіемъ

Рим-

Римляне отъ меня приняли? О! любезное мое отечество, не о своей славѣ, не о своей пользѣ сѣтую; но о тебѣ я жалѣю, потому что ты въ рукахъ ненадежныхъ правителей остаешся. Нума такъ разсуждалъ, взирая на слабые столпы, на которыхъ общее благополучіе основать ему надлежало, то есть на худыхъ судей, и на слѣдствія по немъ произойти могущія.

Злоупотребленіе въ Римѣ не только до первыхъ степеней касалось; оно простерлось отъ вышнихъ до самыхъ послѣднихъ, и разными выгодами сей исполненный путь, не принося отечеству никакой пользы, только для шествующихъ по немъ былъ пріятенъ и корыстенъ; ибо руководствуемыя высокомѣрными своими покровителями ихъ похлѣбственники, какъ въ нерадѣніи такъ и въ гордости имъ подражали. Довольно было въ то время достоинства для человѣка, когда онъ гласомъ сильнаго былъ одобренъ и защищаемъ. Часто такое одобреніе самымъ неспособнымъ и вреднымъ людямъ служило средствомъ, возходить

на

на многія степени щастія; потому что они льстя своимъ защитникамъ умѣли и не стыдились довѣренность ихъ выигрывать. Уже для многихъ неслышенъ былъ стонъ отечества вопіющаго на судей корыстолюбивыхъ, и невидны были всенародныя слезы проливаемыя отъ худаго раченія, или звѣрскаго поступка грубыхъ и несмысленныхъ правителей, сильными возведенныхъ и защищаемыхъ. Бѣдственно состояніе того общества, гдѣ не думая о пользѣ всенародной, о пользѣ собственной думаютъ, и благополучно общество, гдѣ чувствуетъ самъ Государь напасти своихъ подданныхъ; благополучно когда гласы людей отчаянныхъ и утѣсненныхъ до престола его безпрепятственно достигаютъ.

Таковъ былъ Нума, онъ созидая храмъ благополучія для Римскаго народа, вознамѣрился употребить ко приведенію онаго въ совершенство, и дабы завсегда онъ стоялъ неколеблемо, людей самихъ по себѣ достойныхъ, а не хитростями и гнусною лестію произшедшихъ, или въ угодность знатныхъ Вельможей

безъ

безъ достоинства награжденныхъ; таковые не рѣдко и покровителямъ своимъ, и всему отечеству въ ядъ обращаются.

Надлежало вдругъ изторгнуть корень сего злоупотребленія, не наводя на сердца своихъ подданныхъ оскорбленія, и не пріемля на себя вида нечеловѣколюбія; для того Нума узаконилъ новый способъ къ полученію чиновъ и правленія въ обществѣ. Зналъ онъ, что есть между Римлянами и знатные природою и самые простолюдины, сіяющіе многими достоинствами и приличными Вельможамъ дарованіями украшенные; по чему не опасался онъ, чтобъ его намѣреніе успѣха не возъимѣло; оно было просто и естественно; оно было почерпнуто изъ внутреннихъ достоинствъ, которыя народъ Римскій украшали.

По его узаконеніямъ, желающіе получать достоинства, какого бы они ни были званія, обязаны были прежде всего объявить свое мнѣніе предъ цѣлымъ народомъ: какъ они понимаютъ о требуемой ими степени, какъ свою должность отправлять намѣреваются, и какія пользы обществу, получа желан-

ное

ное мѣсто принести могутъ. Легко себѣ представить можно, что благоразумнѣйшее мнѣніе, а паче то, гдѣ больше человѣколюбія примѣчено было, первенство передъ другими получало. Цензоры записывали оное мнѣніе, и въ книгохранительницѣ содержали.

Ежели кто получа достоинство, послѣ несогласно поступалъ съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ; Сенатъ имѣлъ право, прочитавъ оное передъ судіями, уличать преступника собственными его словами; и тогда наказывалъ его какъ врага истинны; потому что онъ цѣлое общество обмануть старался, притворясь для полученія чина, добронравнымъ и человѣколюбивымъ. Иногда самъ противъ себя судія обязанъ былъ объявить приговоръ, потому что скрывъ отъ него его имя, также имя имъ обиженнаго, требовали, чему такой то нарушитель закона достоинъ.

Симъ средствомъ пресѣклись въ Римѣ гнусныя ябеды, притѣсненія и лихоимства, а паче всего ложныя одобренія, которыя столько вреда отечеству прежде сего наносили. Судіи для своей соб-

собственной пользы начали больше помышлять о пользѣ общей. Благонравіе и человѣколюбіе начало въ сердца чинoправителей вкореняться; никто не смѣлъ по одному пристрастію любимца своего или сродника возводить на степени правительства, ибо отъ собственныхъ достоинствъ чины зависѣли; тогда увидѣли судей кроткихъ и благоразумныхъ, тогда зависть изчезла, гордость стала безгласна, и народъ успокоился.

Римскіе благородные юноши прежде въ праздности живущіе, и со младенчества своего ядомъ знатной природы напоенные, который производилъ въ ихъ крови родъ нѣкотораго отвращенія къ простому народу, и грубой предувѣренности о своихъ достоинствахъ; сіи преждебывшіе безполезные члены отечества и къ единому обремененію общества служащіе; нынѣ вмѣсто непристойныхъ забавъ, вмѣсто вредныхъ государствамъ игръ и вмѣсто праздной охоты, принимаются разсматривать гражданскіе законы, ищутъ бесѣды съ людьми благоразумными, посѣща-

сѣщаютъ судилища, примѣчаютъ, выслушиваютъ и научаются благонравію; безъ чего они подкрѣпить родъ свой и пріобрѣсти степени отчаявались.

Всѣ Римляне начали попеченіе имѣть о своихъ дѣтяхъ, начали приводить ихъ склонности и дарованія въ лутчее совершенство; ибо предусматривали они, что когда не богатства и не природа, но одни добродѣтели и способности ко полученію отмѣнныхъ чиновъ были средствомъ, то каждый имѣлъ право и надежду учинишься щастливымъ, только бы имѣлъ онъ разумъ, ученіе и доброе сердце. Не велико сіе дарованіе, скажутъ иныя читатели; не велико, но рѣдко!

Тако устроя благополучіе Римлянъ, Нумино сердце спокойствомъ наслаждалось, ибо онъ находилъ спокойство въ сердцахъ своихъ поддан-
ныхъ. Видѣлъ учреждаемое общество по правиламъ добродѣтели, и щастіе Римлянъ на столпахъ неколебимыхъ утверждающееся. Нума на подобіе дре-ва простирающаго свои вѣтви, и укрывающаго отъ зноя солнечнаго подъ тѣнію

тѣнію его сидящихъ. Нума подъ кровомъ тихихъ, благоразумныхъ и твердыхъ законовъ, покоитъ, утѣщаетъ и хранитъ свое отечество.

Не почтите вымысломъ сего благополучнаго состоянія читатели, дабы не отчаяться сердцамъ нашимъ въ достиженіи къ совершенному щастію и вкушенію истиннаго на земли благополучія, которое подлинно рѣдко и почти неизвѣстно.

Но ежели нѣтъ благополучныхъ обществъ на земли, то пусть они хотя въ книгахъ находятся, и утѣшаютъ наши мысли тѣмъ, что и мы со временемъ можемъ учиниться щастливыми.

Не отъ златыхъ рудъ, не отъ безпредѣльнаго пространства границъ, не отъ множественнаго числа людей, не отъ силы и мужества ихъ, благоденствія обществъ познаются; все сіе зависитъ отъ попеченія премудраго и человѣколюбиваго Монарха, каковъ былъ Нума, и каковы суть прочіе великіе Государи любящіе прямо свое отечество.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЪ.

Слава, провозвѣстница дѣлъ человѣческихъ, повсюду возвѣщаетъ о благоразумномъ правленіи Нумином; окрестные народы возхищаются его добродѣтелями и кроткимъ житіемъ усмирившихся Римлянъ. Уже стекаются подъ скипетръ благочестиваго Монарха, изъ дальныхъ странъ жители вкушать благополучную жизнь, обще съ Римлянами и съ ихъ сосѣдами.

Не обманываетъ ихъ разнесшаяся о Нумѣ слава; они въ немъ находятъ истиннаго отца своему народу, и притекающимъ въ его области чужестранцамъ. Находятъ его подданныхъ возлюбившихъ добродѣтель, хранящихъ истинныя правила честности, и законы мирнаго житія. Корыстолюбіе истребилось изъ сердецъ ихъ, свирѣпство отъ нихъ убѣжало, кротость начала вкореняться, и сельское упражненіе соединяющее мысли съ премудростію: невинность, правду, благочестіе и вѣрность укрѣпляли; Нума самъ воспитанный въ такой непорочной жизни подданнымъ своимъ оную сообщаетъ.

Уже

Ужѐ они не тѣ Римляне, которые похитили нѣкогда женъ у своихъ сосѣдей, на пиршество приглашенныхъ, и право гостепрiимства нарушившихъ; ужѐ въ обхожденiи ихъ невидно того варварства, которое другихъ трепетать заставляло; казалось, что миръ и тишина процвѣтающiе въ Римѣ, по всѣмъ сосѣднимъ народамъ разпростирались, и по свирѣпостяхъ страшной войны благонравiе послѣдовало; никто не думалъ о иномъ кромѣ землепашества, воспитанiя дѣтей своихъ и спокойнаго призыванiя боговъ. Бѣдность, изнуренiе государствъ, и язва сердецъ, изъ Рима изтребляется. Нума подсѣкаетъ вредный ея корень, праздность, онъ его извлекъ, и полились токи изобилiя оживляющiе унылыя чувства и отчаянныя мысли. Заслуженнымъ, немощнымъ и нещастнымъ людямъ удѣляетъ онъ свои сокровища. И требовать сего не было ни препятствiя, ни труда у человѣколюбиваго Монарха.

По всему городу видны были одни торжественные пиры, жертвоприношенiя, угощенiя сосѣдственныхъ народовъ,

сердца жителей соединялись твердою и чистою любовію, и единодушное общество представляли. СтрахЪ отЪ границЪ РимскихЪ удалился и отворилЪ свободный путь ближнимЪ народамЪ во свои области, которые путешествіе вЪ сей благополучный градЪ, гуляніемЪ почитали, а жителей своими друзьями. КаждыйЪ поселянинЪ спокойно своимЪ имѣніемЪ владѣетЪ, и безопасно плодомЪ опЪ своихЪ трудовЪ наслаждается. Нума проразумѣлЪ, что закоренелая склонность вЪ РимлянахЪ похищать чужое имѣніе, не вдругЪ изтребиться можетЪ, и слѣдствіемЪ многихЪ споровЪ, многой вражды, несогласія и ужасныхЪ ссорЪ будетЪ, которыя ежели возгорятся между сосѣдами, вреднѣе всякой войны бываютЪ; ибо вЪ нѣдрахЪ отечества оныя произойдутЪ, и будутЪ общее разрывать спокойство. Для того полагаетЪ онЪ знакЪ, на границахЪ полей раздѣленныхЪ, который учинилЪ священнымЪ. Сей знакЪ нареченЪ терминомЪ и долго хранилЪ РимскихЪ владѣльцовЪ вЪ покоѣ, вЪ безопасности и дружелюбіи, душѣ всякаго общества (*). Не

(*) ВЪ РимскихЪ ИсторикахЪ о НумѢ.

Не надолго оставили боги прославленіе мирнаго и сладкаго правленія Нумина; сосѣдственные народы увѣрясь о его благоразуміи и кроткомъ судѣ, пріемлютъ Римлянъ посредниками междусобныхъ преній, и рѣшеніе оныхъ единому Нумѣ предоставляютъ. Тако премудрый Нума не извлекая меча, не проливая крóви, чужіе народы своимъ законамъ и суду своему подвергаетъ; слава сія паче всѣхъ побѣдъ человѣка превозноситъ, и дѣлаетъ въ памяти потомковъ почтительнымъ. Отмѣнныя достойнства противу нашей воли любезны намъ бываютъ, и мы такових людей сердечно обожаемъ.

Сами боги, ради общаго спокойства Нумино спокойство хранили; злоумышленіе во дни его царствованія безоруженно было, гнусные пороки обузданны лежали, убивства и хищенія боялись сердецъ Римскихъ коснуться, въ которыхъ прежде они долго торжествовали; лести и лукавства Римляне стыдились, и положили основаніе тѣмъ великимъ добродѣтелямъ, которыя ихъ послѣдователей прославили и

щастливыми учинили. Любовь къ отечеству! дражайшая любовь, ты всему тому причиною была!

Вѣрность, красота всѣхъ добродѣтелей, такое почтеніе и важность въ Римѣ имѣла, что храмъ ей воздвигнутъ былъ. Одинъ разъ изправленныя сердца и въ порядокъ приведенныя, основаніемъ всѣхъ достойнствъ бываютъ. Римлянинъ жизнь свою прежде могъ потерять, нежели не здержать своего сло́ва, добродѣтель почти въ смѣхъ уже́ обращенная, когда пороковъ стыдиться перестали! однако Нума вѣдалъ важность сего свободнаго обязательства между человѣками, которое совершенное спокойство утверждаетъ; и непреложность даннаго сло́ва столько же учинилъ священнымъ, какъ и письменные договоры.

Не надлежитъ Государю ничего пребрегать, что до благосостоянія его отечества вкупѣ и подробно коснуться можетъ. Нума наблюдая сіи пра́вила, учинилъ гражданъ щастливыми и себя на вѣки спокойнымъ. Не страшилища

лица и не ка́зни, чистую совѣсть въ насъ производятъ, но производятъ ее добрые примѣры и награждаемыя добродѣтели.

Когда подданные въ тишинѣ, миролюбіи и благоденствіи пребываютъ; когда государство изобиліемъ преисполнится, жительства безопасны бываютъ; словомъ, когда весь народъ благополученъ, тогда и сердце ихъ владѣтеля въ веселіи и спокойствіи плаваетъ. Неизреченное удовольствіе вкушаютъ Монархи, видя ввѣренныхъ ему отъ боговъ людей щастливо живущихъ; приносящихъ благодареніе небесамъ за жизнь обильную и безмятежную, и любящихъ своего Царя, творца общаго блаженства, защитника, кроткаго судію, и просвѣтителя ихъ.

Сіи то достоинства и преимущества почиталъ благоразумный Нума своимъ украшеніемъ, честію, славою и великолѣпіемъ. Роскоши отгнаны были отъ его престола; злато придающее гордости человѣкамъ, попиралъ онъ

онъ своею умѣренностію, и всякое излишество вреднымъ для Монарха ему казалось; человѣколюбіе, смиреніе, щедрота и правда его престолъ окружали, и рѣки многихъ благъ отъ онаго на весь народъ проливались.

Благочестіе и чинослуженіе первымъ поставлялъ основаніемъ добродѣтелей и качествъ душевныхъ. Ибо зналъ онъ, что любовь къ Богу есть главнѣйшая должность человѣческая, и что безъ сего чувствованія никакіе законы сильны быть не могутъ.

Тогда отнимаетъ онъ страхъ, подъ коимъ лжетолкователи законовъ, божество изображали; представляетъ его существенныя качества; не злобіе, правосудіе и любовь ко человѣческому роду. Искреннее почтеніе и горячность ко справедливому божеству въ сердцахъ возгарается. Плевы и толки нечестивыхъ жрецовъ развѣянны стали. Божество показалось народу въ точномъ своемъ видѣ; приступъ къ нему не казался ужасенъ а слабости душевныя непростительными. Затмѣвая божество,

затмѣ-

затмѣваютъ совѣсть нашу, и вселяя робость въ наши чувства, любви къ богу мѣста не оставляютъ; Нума поднялъ темную сію завѣсу, обличилъ несправедливость держащихъ оную, и научилъ народъ прямо знать и любить Бога.

Почтеніе, въ какое Римляне пришли у многихъ народовъ, свидѣтельствуется разными посольствами отправленными къ Нумѣ, для утвержденія съ нимъ и съ его подданными вѣчнаго союза. Не меньше даровъ несутъ новые сіи други Римлянъ, нежели прежніе ихъ данники съ досадою, роптаніемъ и ненавистью, простую пищу имъ присылающіе. Что любезнѣе добродѣтелей, когда они притворства и неволи въ себѣ не заключаютъ? Какія побѣды могутъ сравняться съ кроткимъ поступкомъ и миролюбивою жизнію, когда чужія страны чистосердечно союза нашего ищутъ? Хитрость и обманъ удалясь отъ такихъ державъ, ядъ свой въ собственную свою бѣду извергаютъ, и зависть во мрачныя пещеры отъ нихъ скрывается.

Посланные приближаются къ Риму и не узнаютъ его; сіи ли вертограды? Сіи ли прохладныя рощи? Сіи ли поля изобильныя? и стада тучныя, Риму отвсюда окружаютъ, разсуждали они; здѣсь, гдѣ недавно дикую страну и простыя хижины мы видѣли, здѣсь прекрасный градъ намъ представляется; подлинно Нума премудръ и богамъ любезенъ! Щастливы, многократно щастливы Римляне, сего Сабинянина Царемъ нарекшіе.

Тако говорили, разсуждая по внѣшнему виду сего города о благоденствіи Римлянъ. Но когда вступя во градъ увидѣли Нуму съ кротостію и цѣломудріемъ ихъ пріемлющаго; увѣряющаго взаимною, собственною и всенародною дружбою, въ возхищеніе пришли. Они видятъ благоучрежденіе во градѣ Нуминомъ, и не вѣрятъ, что прежній градъ и прежнихъ людей они видятъ. Богослуженіе съ какимъ обрядомъ въ Римѣ оно отправлялось, особливое почтеніе къ ихъ богамъ и къ народу въ сердцахъ у нихъ производитъ. Римляне имъ кажутся одною семьею, дружелюбіемъ

бiемъ соединенною, у которой Нума не Царь но отецъ. Внимая суды, воздаянія и увѣщанія преступникамъ, думаютъ, что они въ царство боговъ пришли; правда въ лицѣ всякаго человѣка имъ изображается, кропость ко всякому влечетъ ихъ въ дружество; благочестіе Римлянъ въ нихъ самихъ умиленіе производитъ, и все сіе купно божественнымъ Нуму имъ представляетъ.

Не великолѣпіемъ, не расточеніемъ злата и сребра, не сильными войсками пріобрѣлъ сію славу, сіе удивленіе, почтеніе и любовь Нума, отъ своихъ подданныхъ и отъ сосѣдей; пріобрѣлъ онъ все сіе своимъ благоразумiемъ, мудрымъ попеченіемъ о своемъ отечествѣ, сохраненіемъ свято дружества съ своими сосѣдами и союзниками, и добродѣтельною жизнію. Вотъ орудія, которыми завоевалъ многіе народы, и плѣнилъ подданныхъ своихъ Нума, но завоевалъ и плѣнилъ не поля и не стѣны ихъ, но сердца. Нѣтъ сего щастія на свѣтѣ болыше, какъ быть единодушно любимымъ многими человѣками.

Кото-

Который бы владѣтель не захотѣлъ быть на мѣстѣ Нуминомъ. Какое сердце не плѣнилось бы его поступкомъ, и не послѣдовало бы его благоразумнымъ совѣтамъ къ добру всѣхъ призывающимъ, и щастіе общее творящимъ?

Нума нерадѣющій о собственномъ спокойствіи, но мыслящій только о спокойствіи общемъ; при утренней зарѣ, въ полудни и при захожденіи солнечномъ между художниками, между гражданами, между Вельможами и жрецами является. Знаетъ онъ, что его присудствіе служитъ предлогомъ ревности къ своему дѣлу для каждаго подданнаго; знаетъ, что частымъ обращеніемъ со гражданами удобнѣе свóйства ихъ познáетъ; чертоги его были отворенны каждому Римлянину; то казался отецъ посреди своихъ дѣтей живущій; вольнымъ и чистосердечнымъ обращеніемъ выигрываетъ Нума довѣренность у своихъ подданныхъ. Они возлюбили его и для него собственно, и для своей пользы; ибо чрезъ него преимущества своихъ дарованій почувствовали.

Часто

Часто въ часы вечерніе прохаживаясь по граду, посѣщая домы жителей, проходя плóщади, примѣчалъ онъ, выслушивалъ и разсматривалъ упражненія, разговоры и склонности народныя; увѣщевалъ невоздержныхъ, смирялъ кичливыхъ, обращалъ на истинный путь злонравныхъ. Нума былъ подобенъ благому духу, носящемуся по всему граду и внушающему добродѣтель и любовь къ ближнимъ въ сердца Римскія; уже не страшатся ни судіи, ни жрецы, ни граждане присудствія своего Государя; такой страхъ раждается отъ изпорченной совѣсти, которая обличенія дѣлъ своихъ боится, но честный человѣкъ за выигрышъ себѣ ставитъ, когда чувствованія его откровенны и видимы бываютъ. Тогда за Нумою подданные его толпами слѣдуютъ: одни приглашаютъ его на свои пиршества, Нума съ радостнымъ лицемъ часы празднества съ ними раздѣляетъ; другіе требуютъ отъ него совѣта въ художествахъ и домостройствѣ, и получаютъ оный безъ отрицанія. Всѣ подданные веселый видъ пріемлютъ, уныніе становится имъ неизвѣстнымъ, ибо оно есть слѣд-

ствіе

ствіе мучительнаго правленія и упѣсненія невинности.

Нума благодаритъ боговъ, что царствованіе его миромъ и дружелюбіемъ благословили. Римляне возсылаютъ богамъ благодарность, что Нуму на царство возвели. И сіи взаимныя къ богамъ возсыланія утѣшеніемъ ихъ были.

Многія бы книги недостаточны были ко описанію славныхъ дѣлъ Нуминыхъ, и не могли бы изобразить всего, какія Римскій народъ отъ него пріобрѣлъ сокровища, а сіи сокровища въ драгоцѣнной и сладкой добродѣтели состояли.

Онъ приготовилъ Римлянъ къ завоеванію всего свѣта; онъ вкоренилъ въ нихъ сіи достоинства и безпримѣрное любленіе къ отечеству, которое вселенную удивило. Онъ правосудныхъ Брутовъ, добродѣтельныхъ Фабіевъ, храбрыхъ Регуловъ, Сцеволовъ, Сципіоновъ, Коклесовъ и многихъ Героевъ Риму уготовилъ.

Больше

Больше сорока лѣтъ мирное и благоразумное его владѣніе продолжалось; боги нарочно сохранили до позднихъ временъ его жизнь, дабы привесть Римъ въ цвѣтущее состояніе и учинить его примѣрнымъ городомъ во свѣтѣ.

Любовь его къ тишинѣ, и ненависть къ несправедливымъ и люпымъ войнамъ удобное время ко всему Нумѣ оставили. Жизнь его была непрепкновенна и невзволнована никакими злоключеніями и скорбьми: единое общее благоденствіе непрестаннымъ упражненіемъ его было. Часто о томъ бесѣдовалъ онъ съ Нимфою Егерою, о чемъ объявилъ своимъ подданнымъ, и ея совѣтамъ слѣдуя, привелъ ихъ, и самого себя на высочайшую степень благополучія.

Тако да поживутъ всѣ владѣтели, любящіе прямо свое отечество и своихъ подданныхъ, да возлюбятъ тако и ихъ праведные боги какъ Нуму они любили; да пошлютъ на престолы подобныхъ Нумѣ Государей для прославленія спокойства и благосостоянія

нія человѣческаго рода; и не будемъ слышать воздыханія, не увидимъ слезъ, ни кровію орошеннымъ мечей, безъ которыхъ въ мирномъ житіи, къ чести, славѣ и благосостоянію Римлянъ умѣлъ обойтись Нума. Яновъ храмъ во дни его царствованія былъ всегда затворенъ. Римъ долго потомъ не видалъ такого златаго времени, какимъ при Нумѣ наслаждался.

Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: что щастливы тѣ народы, у которыхъ Философъ Государемъ бываетъ, или Государь Философомъ здѣлается. И можно увѣриться, что слава не однимъ оружіемъ пріобрѣтенна бываетъ.

КОНЕЦЪ.

СТИХИ

СТИХИ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Когда на всѣхъ Царей я взоры обращу,
И Нумѣ равнаго владѣтеля ищу;
Я вижу множество законодавцевъ славныхъ,
Однако съ Нумою не много вижу равныхъ:
Не зрится въ ихъ сердцахъ къ отечеству любви,
Пылаютъ царства ихъ, и плаваютъ въ крови,
Ни стона подданныхъ, ни слезъ они не внемлютъ;
Подъ тѣнью роскошей на пышныхъ тронахъ дремлютъ.

Мечтается въ умѣ ужасный мнѣ драконъ,
Который разтворилъ на ядѣ свой законъ,
На слабости сердецъ онъ смотритъ грознымъ окомъ,
На всѣхъ подъемлетъ мечъ и кровь лїется токомъ.
Ликургъ свирѣпости законовъ облегчилъ,
Но въ узы новыя природу заключилъ;
Поборникомъ безчинствъ сей кажется владѣтель,
Преобращающїй пороки въ добродѣтель.
Другїе свойствъ людей своихъ не разобравъ,
Предписываютъ имъ законъ чужихъ державъ,
Велятъ устроить имъ сердца и чувства новы,
И налагаютъ тѣмъ на подданныхъ оковы.
Но въ поздны времена восходитъ будто кедръ,
Превыше всѣхъ Царей, законодатель ПЕТРЪ:
Трудится, бодрствуетъ, Россїю оживляетъ;
Ей новы небеса и новый мїръ являетъ;
Разсудкамъ свѣтъ даетъ, чувствительность сердцамъ;
Прославилъ подданныхъ и сталъ безсмертенъ самъ.

По

По немъ является краснѣе райска крина,
Цвѣтущая въ очахъ у насъ ЕКАТЕРИНА,
Не нужны Нимфы Ей, не нужны чудеса;
Нѣтъ празднаго для Ней въ правленіи часа;

Россіянъ милуетъ, покоитъ, просвѣщаетъ;
То пишетъ имъ въ законъ, что сердце Ей вѣщаетъ,
Не гордость намъ вдохнуть, не къ злату приманить:
Она спокойными насъ хочетъ учинить.

О! рода смертнаго единое блаженство,
Мы Ею познаемъ благъ вѣчныхъ совершенство;
Ко храму щастія Она стези нашла,
И подданныхъ къ нему съ весельемъ повела;
Другихъ прельщаютъ слухъ военною трубою,
А Ей мы говоримъ: мы щастливы Тобою.

Дражайшія слова, твердитеся въ устахъ;
Но паче врѣжтеся и чувствуйтесь въ сердцахъ;
То будетъ для Нея вѣнецъ безсмертной славы,
То будетъ вѣкъ златой, для всей Ея державы,

О нашей радости возрадуется свѣтъ,

И всѣхъ Царей Ее примѣромъ назоветъ.

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я въ вѣкъ не рушу:

ПЕТРЪ Россамъ далъ тѣла, ЕКАТЕРИНА душу;

Но чистая душа что намъ отъ Ней дана,

И добродѣтелей и радости полна;

Творцы всеобщихъ благъ! лишь вы одни велики,

То истинна речетъ и всѣ рекутъ языки.

* * *
* * * * *

ПОГРѢШНОСТИ.

напечатано		читай.
стран.	стро.	
4	2	низскаго - - низкаго.
18	17	производитъ - производить
19	9	привыкшей - - привыкшій
43	16	тмѢ - - - тьмѢ.
45	6	блаженства - блаженство
	18	какъ бъ - - какъ бы
—	26	щедроты - - и щедроты
58	4	чего вы ожидаете, чего вы ожидаете?
61	1	впечатливались - впечатлевались
—	15	Комелейскимъ - Коллинейскимъ,
64	9	моихъ - - - моимъ
69	17	Весталыкій - Весталькій

произ-

стран.	стро.		
77	3	производящая	- происходящая,
90	9	и изчисляющїй	- и изчисляющїй,
99	26	благочестныхъ	- благочестивыхъ
102	3	возгорѣлись	- возгорѣлась
120	15	мечь - -	- мечи

B S B
MÜNCHEN

3500 — ft
Bibliothèque
/7-41

Samcarter

RUSSICA
RUSSISCHES
ANTIQUARIAT
BERLIN
W 30

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Cheraskov, Michail M.

Numa ili procvětajuščij Rim

[Moskau] 1768

Rar. 4243
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10861674-1